

AMORE

ПОМАШИ МНЕ
НА ПРОЩАНИЕ

РУБИ ДЖЕКСОН

«Уютный роман!
В произведения
Джексон погру-
жаешься с головой,
и выныривать
совсем не хочется».

[GOODREADS.COM](https://www.goodreads.com)

«Произведения
Джексон всегда
наполнены приметами
истинно английского
уклада жизни».

[BOOKREVIEW](https://www.bookreview.com)

«Прекрасное чтение,
которое держит
в напряжении до
самой последней
страницы».

[AMAZON.COM](https://www.amazon.com)

Amore. Зарубежные романы о любви

Руби Джексон

Помаши мне на прощанье

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джексон Р.

Помаши мне на прощанье / Р. Джексон — «Эксмо»,
2013 — (Amore. Зарубежные романы о любви)

Февраль 1940 года. Грейс Патерсон решает вступить в Земледельческую армию, чтобы помочь фронту. Теперь каждый день наполнен работой: пахота, уход за животными, сбор урожая. За заботами Грейс постепенно забывает и о своей влюбленности в красавца Сэма Петри, который ушел в армию, и о родных, бросивших ее в детстве. В огромном поместье в Дартфорде она вроде бы находит утешение, но так трудно справляться с невзгодами, когда рядом нет никого, кто мог бы согреть и утешить... Тайна семьи вновь беспокоит Грейс: вдруг она не простая сирота? Все усложняется, когда в жизни девушки вновь появляется Сэм и возникает загадочная шкатулка, хранящая секреты далекого прошлого. Теперь у нее появился шанс узнать все о своих родных, но главное – обрести счастье с любимым мужчиной.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Джексон Р., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Благодарности	6
Глава 1	7
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	38
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Руби Джексон

Помаши мне на прощанье

© Т. Перцева, перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Благодарности

Огромное спасибо «Дейри Крест» за любезность их секретарей и особенное спасибо Крису Манну за помощь и знакомство с несравненным Томом Фелпсом. Тому – за длинное подробное письмо и за удивительную книгу «Хозяин молочной фермы».

Моя благодарность Шарлотте Марри из Университета Ридинга, которая нашла для меня несколько полезных источников информации и великодушно предложила помощь, а также – дружелюбным и готовым прийти на выручку сотрудникам Музея сельской жизни Англии.

И большое спасибо Джил Эллис из Королевской Шекспировской компании за помощь в подборе правильных цитат.

Барнаби, Стелле и Финну с любовью

Глава 1

Кент. Февраль 1940 г.

Она поступила правильно, сделав это. Собрала немногочисленные вещи и уехала, никому ничего не сказав. Даже тем, кто был так добр к ней все эти годы. Да, она жалела об этом: не о доброте, конечно, а о своем бегстве. Как можно объяснить им, что она больше не может выносить такого существования? Враждебности собственной сестры, неуютный, неприветливый сырой коттедж, который она, и особенно Меган, называли домом. Даже работа на оружейном заводе «Викерс» не давала удовлетворения. Несколькими светлыми пятнами в ее жизни была дружба с семьями Бруэр и Петри, маленький сад, посаженный ею и подругами, и мечты о Сэме.

Зимние морозы погубили сад, который давал ей столько радости, а Сэм, предвидевший начало войны и вступивший в армию задолго до сентября тридцать девятого, сейчас был где-то со своим полком. Но мечтать о нем не было смысла: не из-за того, что она понятия не имела, где он и что с ним происходит, а просто потому, что любил он Салли Бруэр.

Так легко представить Салли, с ее длинными черными волосами и прекрасными синими глазами...

Салли, начинающая актриса, была почти так же высока, как любой из трех сыновей Петри, и идеально оттеняла нордическую внешность блондина Сэма. Как могла она, самая обычная простушка Грейс Патерсон, не знавшая даже, кто ее родители, привлечь внимание такого мужчины, как Сэм? О да, он был добр к ней в детстве, но Сэм, первенец в большой семье, был таким со всеми. Что он подумает о ней, услышав от кого-нибудь, что она исчезла, даже не попрощавшись?

Грейс всхлипнула и зарылась лицом в подушку на случай, если девушки войдут и услышат ее. Однако уколы совести не давали покоя, став наконец невыносимыми.

«Ты должна написать, Грейс, это твой долг перед ними».

Она встала, поправила серое шерстяное одеяло и взбила комковатую подушку, решив, что не будет лежать здесь и ныть. Напишет всем и тогда, отделившись от неприятной обязанности, попытается стать лучшей работницей во всей Земледельческой армии.

Она взяла блокнот, купленный в ближайшем магазине «Севеноукс», двинулась по комнате между длинными рядами железных кроватей, застеленных теплыми одеялами. На некоторых устроились старые, любимые игрушки, привезенные из дома.

Она подошла к письменному столу, за которым, редкий случай, никто не сидел, и стала рассматривать разлинованные странички блокнота. Ее беспокоила мысль о том, что следовало бы истратить немного больше заработанных тяжким трудом денег на покупку приличной писчей бумаги. Потом она покачала головой и пообещала себе, что так и сделает, когда закончится месяц обучения и ее переведут на ферму.

Она сказала себе, что миссис Петри и миссис Бруэр не будут возражать.

Когда она впервые их встретила? Больше чем полжизни назад, но поскольку ей и двадцати не было, полжизни – не слишком большой срок.

Грейс вздохнула. Десять-одиннадцать рождественских ночей проведено в доме ее подруги Салли Бруэр. Десять дней рождения, проведенных с Бруэрами и Петри.

Но, вспоминая о семье Петри, она думала не о доброй миссис Петри. Не о своих подругах, близняшках Роуз и Дейзи, так и стоявших перед глазами, а о Сэме. Сэме, который, кто знает, может, и убит уже...

«Нет, он не может быть мертв. Господь не так жесток!»

Грейс закрыла глаза и увидела его: высокого, светловолосого, голубоглазого Сэма, гнавшегося за хулиганами, которые сбили ее на землю на игровой площадке. Он поднял ее, отряхнул пыль и подвел к своим сестрам.

Так много доброты, а она отплатила им тем, что сбежала, как ночная кошка, без слова, без объяснения, без благодарности.

Грейс снова опустила глаза в блокнот и стала писать.

*Дорогая миссис Петри, я вступила в Женскую Земледельческую армию
и учу все, что нужно знать о коровах.*

Но письмо девушке не понравилось, и неудачное начало было скомкано и порвано. Грейс стала писать снова.

*Дорогая миссис Петри, простите за то, что не сказала, что вступила
в Женскую Земледельческую армию. Я думала, у меня будет время и я успею
сообщить вам об этом, но когда я вошла туда, там было много женщин.
Какая-то модная леди спросила, сколько мне лет и знает ли моя мать, где
я сейчас. Я ответила, что у меня нет матери.*

*«Знаешь, что это чрезвычайно тяжелая работа?» – спросила она,
немного подумав. Никогда не слышала, чтобы кто-то так выразился.
Другая леди велела мне идти к доктору. Он сидел в соседней комнате, и
я немного испугалась, потому что никогда серьезно не болела и не ходила
ко врачам. Доктор взглянул на меня и спросил, чем я болела и лежала ли в
больнице. Я ответила «нет, сэр», и он покачал головой:*

«Зачем тебе это нужно? Чертовски кошмарная работа».

Грейс остановилась и задумалась. Насколько интересен ее простенький рассказ? Не посчитает ли миссис Петри странным, что доктор задал всего несколько вопросов, после чего сказал, что «она сойдет», что бы это ни означало, и добавил что-то насчет необходимости пить молоко.

И как она могла объяснить свое желание вступить в армию, даже зная, насколько это чертовски кошмарная работа?

*Пока что я работаю в саду, выращиваю рассаду. Трудно объяснить, но,
хотя работа действительно тяжелая, я чувствую, что наслаждаюсь ею.*

Она не могла понять причину удовольствия, которую давал ей вид растущей зелени, так что и этот вариант письма оказался в мусорной корзинке. Она попыталась написать миссис Петри еще четыре раза, но бесплодные попытки ничем не закончились.

Грейс в отчаянии уставилась в стену; в этот момент она видела только комнату ожидания докторского кабинета в Дартфорде.

Кроме нее, там было несколько девушек и женщин. Судя по их одежде и выговору, они пришли сюда, как выразался мистер Бруэр, «со всех дорог жизни», хотя ни у кого из них не было ее акцента, который, по словам ее сводной сестры Меган, был наполовину шотландским и наполовину кентским. Грейс, опустив голову, спокойно ждала вызова.

Доктор был довольно стар, старше мистера Бруэра и мистера Петри, а им скоро исполнится пятьдесят. Неужели всех молодых докторов призвали?

– Сначала несколько простых вопросов, мисс Патерсон. Почему вы хотите вступить в Земледельческую армию?

– Люблю выращивать растения.

– Имеется опыт?

– У меня был маленький огород.

– Великолепно! Чем болели?

– В общем, почти ничем. Только корью.

Грейс ощутила, как с губ готовы сорваться слова «в монастырской школе». Но что это ей взбрело в голову? Она ведь никогда не была в монастырской школе, верно?

– Рост?

Поскольку младшие мальчишки Петри пытались растянуть ее чуть не каждый день, Грейс точно знала свой рост, но скрестила пальцы за спиной, отгоняя дурной глаз и добавила полдюйма.

– Пять футов, два с половиной дюйма¹.

Он устался на нее. Она глубоко вдохнула и попробовала вытянуть шею.

– Сойдете, – с сомнением пробормотал он. – Размер обуви.

«Врать глупо, надо сказать правду».

– Четвертый...

– Трудно будет достать. Возьмите с собой все старые носки.

Грейс улыбнулась. Звучит обнадеживающе, даже если ноги слишком малы, чтобы стать полезным бойцом трудового фронта.

– Варикоз имеется?

Она понятия не имела, что такое «варикоз», но все же покачала головой:

– Нет, конечно.

Ответ, казалось, удивил и поразил доктора, который деловито писал в карточке, пока Грейс с нарастающим ужасом ждала осмотра.

Доктор закрыл папку.

– Спасибо, мисс Патерсон. Подождите за дверью и постарайтесь пить все молоко, которое вам выдадут. Вы нам сойдете.

Никакого осмотра. Он даже пульса не померил. Если доктор померит его сейчас, почувствует, как частит сердце.

«Вы нам сойдете» – самые прекрасные слова в английском языке вертелись в ее мозгу снова и снова.

– Все еще не спишь? Хочешь какао? Мы готовим на кухне, нам еще оставили немного лепешек с маслом. Удивительно, что мы способны впихнуть в себя еду перед сном, всего через несколько часов после ужина из трех блюд.

В дверях стояла Олив Тернер, одна из соседок Грейс по комнате, принесла с собой аппетитный запах свежеспеченных и, следовательно, горячих лепешек.

Грейс с некоторым облегчением встала.

– Работа тяжелая, а воздух свежий. Поэтому и есть хочется. Божественно пахнет!

– И все наши, – рассмеялась Олив, и они вместе сбежали по пролетам не застеленной дорожкой лестницы на кухню, где несколько девушек сгрудились вокруг длинного деревянного стола, в центре которого стояло блюдо, нагруженное лепешками, несколько горшочков с малиновым джемом, каждая с именем хозяйки на крышке, и миска с маленькими брусочками масла – дневная норма каждой девушки.

– Дом, милый дом, – вдохнула Олив, когда они с Грейс нашли свободные стулья.

– Мой дом никогда не был таким, – заметила Бетти Гуд, вгрызаясь в лепешку.

Остальные засмеялись. Грейс улыбнулась, но промолчала. Девушки-новички пили горячий какао и ели лепешки, намазанные маслом с фермы и малиновым джемом, пока старшая не пришла напомнить, что следующая дойка – в пять часов утра. Девушки со стонами закончили ужин, умылись и пошли наверх спать.

¹ Около 159 см. – *Здесь и далее прим. ред.*

Грейс проделала процедуры отхода ко сну как можно быстрее: на третьем этаже, где жили девушки, было холодно.

– Сейчас постели мягкие и теплые, но мне жаль, что я не могу провести в комнату отопление. Летний класс постоянно жалуется на жару, а под одеялами и вовсе жарче, чем в теплице, но вокруг все равно холодно, – объяснила старшая девушка.

Работницы просто мечтали очутиться в чудесной жаркой теплице, особенно теперь, в феврале, когда ледяные ветра находили каждую щелочку в стенах и крыше. Некоторые идеально отточили искусство раздеваться и одеваться под одеялами. Не из-за скромности, а ради комфорта. Грейс, выросшая в почти таком же убогом старом доме, с единственным работающим камином, привыкла к неудобствам и одевалась и раздевалась с годами отработанной скоростью.

– Неужели мы никогда не согреемся, Грейс? У меня ноги, как лед, – озвучила ежевечернюю жалобу лежавшая на соседней кровати Олив.

– Не снимай носков, глупая, – откликнулась другая девушка, но скоро они, утомленные длинным, мучительно тяжелым трудовым днем, уже спали.

Грейс по достоинству ценила длинные шерстяные носки до колен, выданные ей вместе с униформой, но не слишком любила рубашки из сетчатого трикотажа фирмы «Аэртекс». Они никогда не сидели как надо, и она была рада, что днем они оказывались скрыты зеленым джемпером военного образца. Она очень заботилась об одежде. Благодаря матерям Салли и Дейзи на каждый день рождения она получала что-то новенькое, даже если это был кардиган, связанный из шерсти, на которую была распущена ранее ношенная вещь. Кардиган был связан специально для нее, и, следовательно, не имело значения, что шерсть старая. Женщины вроде миссис Бруэр и миссис Петри являлись большими специалистами в области переделки и штопки, задолго до того как были выпущены правительственные плакаты с призывом к англичанам быть экономнее.

Громкие стоны донеслись с кровати несколько часов спустя, когда зазвонил большой металлический будильник, стоявший в оловянном тазике, чтобы шума от него было еще больше. Словно возвещая миру, что уже четыре утра, будильник не прекращая звенел. Девушки медленно просыпались.

– Господи боже, почему я не вступила в армию или не стала медсестрой?

Этот вопрос задавался ежедневно.

– Солдаты никогда не спят, а «утки» и вовсе – веский довод против профессии медсестры.

– Пожалуйста, неужели недостаточно того, что приходится вставать еще до чертовых петухов, так еще и выслушивать все эти стенания!

Грейс улыбнулась. Она любила жизнь, ей нравилось общество ровесниц. «Если все фермы, – думала она, – на которых придется работать во время проклятой войны, похожи на эту, то причин жаловаться не будет».

Чаще всего вокруг произносили слово «чистота». Владелец молочной фермы требовал от девушек чистоты и безупречных белых передников и лично осматривал руки каждой доярки. Работа была тяжелой. Первая увиденная Грейс корова перепугала ее. Это большое, теплое, коричневое с белыми пятнами животное с чудесными глазами вдруг злобно уставилось на Грейс, когда та попыталась подоить ее, как ей показывали и объясняли. Корова вполне намеренно перевернула ведро, разлив драгоценную жидкость, которая вылилась в сток. Главный по дойке окинул девушку неприязненным взглядом.

– Старайтесь сохранить молоко, Патерсон. Идет война, и нам необходима каждая капля.

Теперь, через неделю обучения, Грейс была вполне уверена в своих возможностях. Она умела вымыть теплой водой вымя коровы, прежде чем начать ручное или машинное доение.

Самой неприятной работой была уборка коровника после дойки. Вода всегда была холодной как лед, и Грейс не выносила вони коровьего навоза.

– Вздор, – объявил Джордж, старший дояр, когда некоторые девушки пожаловались на жуткий запах. Шотландский акцент придавал его словам излишнюю свирепость.

– Что плохого в добром чистом запахе скотного двора? Некоторые из вас уж больно изнежены.

Джорджу было трудно угодить, зато он отличался терпением и справедливостью, и девушки ничего не имели против его постоянного ворчания.

После дойки коров гнали на пастбища неподалеку от фермы. Новая травка еще не пробилась, поэтому Грейс и Олив Тернер велели вилами накладывать сено в большие кормушки-колоды, отчего надсадно ныла спина, зато девушки согревались.

– Надеюсь, нам оставили завтрак, – простионала Олив, когда урчание в пустом желудке напомнило ей о времени.

– Повариха позаботится, чтобы мы не голодали.

– Ты права, но я больше волнуюсь о том, что будет потом. Сколько историй я слышала о жадности и злобе фермеров! Им нужен только дешевый труд, и чем меньше они будут давать нам взамен, тем для них выгоднее.

Грейс тоже слышала пугающие истории, но предпочитала им не верить. Фермеры – всего лишь люди, и очень разные: некоторые злые, как ее сестра Меган, есть и порядочные, щедрые, как Петри и Бруэры, например.

– Все будет хорошо, Олив. А теперь заканчиваем работу и возвращаемся в дом.

– Правда, было бы здорово, если бы резиновые сапоги подбивались мехом?

Олив, только сейчас вступившая во что-то отвратительно вонючее, выглядела ужасно, была вся мокрая и тряслась от холода. И стояла на одной ноге. Вторая увязла намертво.

Грейс помогла ей вытащить сапог. Тот поддался с отвратительным чавканьем. Работницы часто теряли сапоги в грязи и были вынуждены «танцевать» вокруг на одной ноге, пытаясь не опустить в навоз другую, в чистом носке.

– Лучшей идеи я не слышала, дорогая Олив. А пока постарайся надевать сразу несколько пар носков.

– У меня их немного, а толстых всего одна.

– Я тебе одолжу. Развеселись! Скоро настанет весна: нарциссы, примулы, маленькие ягнята. А теперь – выше нос и лови аромат завтрака.

Они вошли в кухню, где их встретил аромат жареных колбасок.

– Надеюсь, вам двоим хватит овсянки, но у нас осталось три колбаски, можете съесть каждая по полторы. Вместе со свежей булочкой. Ах да, еще вам крупно повезло, ведь я только что заварила чай, – сказала мисс Райленд, заведующая общежитием.

Грейс и Олив вымыли руки в глубокой раковине и с благодарными улыбками сели за стол, поставив перед собой тарелки с овсянкой.

– Амброзия, – блаженно вздохнула Олив, опустошив миску.

– Никогда раньше не слышала этого слова. Что оно означает? Я бы хотела написать его в письме к моей подруге Дейзи. Она обожает учить новые слова.

– В общем, не знаю, – пожала плечами Олив. – Полагаю, что-то особенное. Слышала, что такое говорят о чем-то по-настоящему вкусном.

– Амброзия – сдобренная медом пища греческих богов, девушки, – пояснила мисс Райленд. – И если она действует на вас так, как на богов, значит, впереди вас ждут годы и годы чистки коровников.

Девушки изумленно воззрились на нее.

– Пожалуйста, мисс Райленд, не расскажете подробнее? – спросила Грейс. – Не знаю, как насчет Олив, но я с радостью буду чистить коровники, если это поможет фронту. Но сколько лет, по-вашему, мне придется это делать?

– Амброзия обещает бессмертие. Грейс. Вы будете жить вечно, занимаясь уборкой коровников.

Олив выглядела так, словно вот-вот разразится слезами.

– Она шутит, – утешила ее Грейс. – Это всего лишь сказка, но на всякий случай начинай вязать толстые носки.

– Довольно болтовни! Доедайте колбаски и идите в следующий коровник.

Закончив сытный завтрак, девушки снова закутались в старые одежки и вышли из общежития.

– Что дальше?

Олив уже тряслась от холода.

– Когда нам должны были выдать теплые пальто?

– Надеюсь, их скоро пришлют, но, думаю, мисс Райленд из тех, кто не станет возражать, если мы ее о них спросим.

Грейс глянула на почти посиневшую от холода подругу.

– Тебе нужно натянуть два джемпера или по крайней мере жилет. У тебя нет такого? Если нет, я дам тебе свой, когда пойдем на обед.

Грейс слишком хорошо помнила, каково это – не иметь достаточно теплой одежды. Сестра была ужасно скупой и жалела каждый пенни, потраченный на маленькую девочку, которую по причине, известной только ей, поклялась растить и воспитывать.

– У меня был прекрасный жилет, – пробормотала Олив, чихая. – Мама советовала взять его с собой и носить поверх джемпера, но я больше не ребенок.

– Нет, ты молодая женщина, которая простудилась. Кстати, у нас урок скоро. Сможешь согреться и надеть поверх одежды все, что найдешь, до того, как пошлют ухаживать за овцами. Пойдем.

Они поспешили в главное здание, где, как они уже знали, шла интересная лекция по земледелию. Но им не позволили войти. Лектор долго орал на них за то, что посмели явиться в таких грязных сапогах.

– Никто не научил вас смывать грязь перед тем, как войти в здание?

– Мы все вымыли, – начала Грейс, но ей не дали возможности объяснить, что грязь налипла на резиновые сапоги по пути в аудиторию.

– Никогда не пытайтесь оправдаться и выжать слезу. Убирайтесь и приведите себя в порядок.

Они попятились так быстро и грациозно, как только могли. Смыли грязь и снова вошли. Бетти Гуд уже ждала их. Круглое розовое лицо было встревоженным.

– Вы пропустили первую половину лекции, но я дам вам конспект. Просто потрясающая информация! Вы позавтракали?

– Да, спасибо, Бетти, – кивнула Грейс. Олив громко чихнула.

Обе девушки обеспокоенно переглянулись поверх головы Бетти, и Грейс тут же приняла решение, основанное на не оставлявшем ее воспоминании о собственных одиночестве и неустроенности. Дело было не только в том, что Олив непрерывно чихала, но еще и в том, что ее трясло в ознобе, хотя в вестибюле было довольно тепло.

– Я отведу ее к мисс Райленд. Если меня вызовут, скажи, что приду как можно скорее.

Олив слабо запротестовала.

– Проведешь остаток дня в постели с бутылкой горячей воды, и все как рукой снимет, – улыбнулась Грейс.

«Я делаю для Олив то же самое, что Роуз, Дейзи и Салли всегда делали для меня».

Это было прекрасное чувство, и она вспомнила, что так и не написала подругам.

«Они не Меган; они простят меня, потому что любят».

Она проводила Олив в общежитие и постучалась в кабинет мисс Райленд. Заведующая подняла глаза от бумаг, которые читала, и явно растерялась при виде растрепанных и измученных девушек.

– Почему вы не на лекции?

В обычно спокойном и дружелюбном голосе звенели льдинки.

Олив чихнула несколько раз подряд, почти заглушив объяснения Грейс.

– Олив нездорова, мисс Райленд. Она все утро чихает, и ее бьет озноб. Так что я подумала, будет лучше привести ее назад и уложить в постель на целый день.

Хорошо очерченные и зверски выщипанные брови мисс Райленд взлетели к самой линии волос. Почти вскочив, она сначала обвела глазами комнату, а потом девушек. Олив повесила голову. Но Грейс, хоть и напуганная так же, как в детстве, под строгим взглядом сестры, стояла на своем.

– Кто, мисс Патерсон, дал вам власть решать, кому давать выходной, а кому не давать?

– Она не берет выходной. Думаю, Олив больна.

– Так вы доктор! Какая я глупая! Считала вас трудармейкой². Вы же знаете, что идет война, и брать выходной без разрешения... кстати, вы попросили у лектора разрешения уйти?

Олив заплакала. Ее трясло, но она все бормотала:

– Прошу вас... это я виновата. Не Грейс. Я не надела жилет.

Последовало потрясенное молчание, прерванное подругой.

– Виновата не она. Олив слишком больна, чтобы принять разумное решение, и не думаю, что мистер Черчилл захочет, чтобы она...

Договорить Грейс не успела.

Мисс Райленд смотрела на нее с таким видом, словно глазам не верила... и ушам тоже.

– Довольно, наглая девчонка! Как вы смеете считать себя вправе решать, чего захочет или не захочет мистер Черчилл!

Она повернулась к Олив.

– Что же до вас... Тернер, – немедленно вернитесь в аудиторию.

Девушка молча выбежала из комнаты.

Грейс ждала. По своему долгому опыту она знала: извиняться, пытаться объяснить хоть что-то – только ухудшит ситуацию.

Мисс Райленд подошла ближе, глядя на стоявший на письменном столе телефон. Ожидала звонка или хотела позвонить сама, пожаловаться на Грейс Патерсон?

– Никто из вас не имеет зимней одежды, – выговорила она наконец.

– Мы еще не получили пальто. Я подумывала спросить вас насчет них.

– Стоит ли напоминать, что сейчас недостает очень многого? Будь у нас ткань, мы немедленно отдали бы ее производителям шинелей для наших храбрых солдат, у которых нет теплого уютного общежития, куда можно вернуться после рабочего дня. Пальто были заказаны давно и будут привезены в ближайшее время. Для того чтобы победить в этой войне, мы должны быть дисциплинированными и вооружиться высокими моральными принципами. Всем приходится приносить жертвы во имя победы, и, мисс Патерсон, нам всем нужно учиться подчиняться приказам, а не думать за старших.

Повернувшись, она подошла к окну. Грейс гадала, отпустили ее или придется еще подождать.

Ждать долго не пришлось.

² Land girl – трудармейка, дружинница Земледельческой армии.

– Подойдите сюда...

Грейс покорно поплелась к окну.

– Видите вон то здание?

– Да, мисс Райленд.

– Это свинарник, вычистите его. К чаю я ожидаю увидеть пример хорошего ухода за животными. А теперь – вон!

– Да, мисс, – пролепетала Грейс и вышла, очень тихо закрыв за собой дверь.

Этим вечером после ужина Бетти Гуд дала Грейс конспекты лекции и стала изображать лектора, в надежде развеселить лежавшую в постели Олив.

– Классная лекция. Все, что нужно знать о земледелии, – в одном простом уроке. Представьте его: не выше меня, а руки, как окорока, – помните окорока в витринах мясников? И ровно три волоска поперек самой блестящей лысины, которую вы только видели в жизни. Абсолютно безупречные рабочие брюки из хлопчатобумажной саржи и туфли такие начищенные, что в них можно смотреться. Не думаю, что он когда-то был на ферме, но, так или иначе, пальцы сунуты за помочи, а сам ходит взад-вперед по аудитории.

«Выращивать зерно – очень просто, – вещал он. – Прежде всего вспашите поле на современном тракторе или великолепной британской лошади. Дальше забороните его. Что потом? Сев, конечно. В наше время для этого есть сеялки, или, в зависимости от размера фермы, можете разбрасывать зерно вручную. Далее следует прополка, – чертovsky сорняки могут стать проклятием вашей жизни. После этого у вас есть право предоставить все матушке-природе. Поливать при необходимости. Ах, какое счастье наблюдать, как колыхается на ветерке золотистая пшеница, как зреет на подпорках великолепный английский горошек! Прелестно. И что мы делаем в последнюю очередь? Жатва. Наслаждаемся плодами нашего труда. Итак, леди, что может быть легче?»

Бетти Гуд даже не ждала от них ответа.

«Да ничего, уверяю вас», – изобразив лектора, пробубнила девушка.

– Прости, но разве он не сказал: «это чертовски кошмарная работа?» – не удержалась Грейс.

– Вовсе нет, Грейс Патерсон. И будьте любезны больше не перебивать.

Они с радостью увидели улыбку на бледном лице Олив.

– Я продолжу, Олив, – пообещала Бетти и, набрав в грудь воздуха, снова вошла в роль.

«Итак, если вас попросят пахать, даю небольшую подсказку. У леди весьма нежные «мадам сижу». Я всегда предлагаю толстую, хотя и шершавую соломенную подстилку, которую легче найти на многих фермах, чем лучшую подушку фермерской миссис. Трактора шумны, медлительны и имеют дурную привычку ломаться. Зато над вами не будут жужжать стаи оводов. О, и оводы, и осы, и пчелы по-прежнему будут летать над полем, но подальше от вас. Только подумайте о меде, который приносят пчелы, но не могу понять, почему добрый господь создал ос, хотя, возможно, они каким-то образом помогают удобрять землю. Видите, все на своем месте. Вопросы имеются?»

– Конечно, он не дал никому возможности спросить о чем-то, – продолжала Бетти, – и под конец заявил: «Думаю, что нет. Итак, куда вы сейчас? Кто ухаживает за свиньями, кто за курами? В любом случае – доброго вам дня».

Грейс рассмеялась.

– Ты напоминаешь мне подругу, настоящую актрису. Бетти, ты так хороша. Верно, Олив?

Девушка казалась слишком слабой, чтобы ответить. Ее трясло всю лекцию об уходе за свиньями и производстве яиц. В ее голове все звучали слова: курица кладет яйца, если ее правильно кормить, поить и содержать. Но вы не можете заставить ее нестись. Только если

все сделано правильно, – а обязанность фермера заботиться о том, чтобы все условия были идеальными, – можно ожидать яиц от курицы.

Олив пыталась прийти в себя, глотая чай на переменах, и вызвала некоторый переполох, свалившись в обморок в туалете. Мисс Райленд была вынуждена признать, что девушке следует дать две таблетки аспирина и бутылку с горячей водой и отослать в постель.

Грейс, со своей стороны, провела остаток дня и большую часть вечера, убирая в свинарнике. Все подстилки и навоз полагалось поддевать на лопату и выбрасывать за дверь, а полы и стены мыть. Главный дояр Джордж, проходя мимо свинарника в полной темноте, слышал скребущие звуки, тихо вошел внутрь и увидел девушку, отмывавшую полы.

– Какого черта вы тут делаете?! – заорал он.

Грейс не понимала, что отвечать. Она устала, перемазалась и переживала, что от нее несет так же мерзко, как от свинарника до начала уборки.

– Вижу, ты скребешь замаранные полы в полной темноте. Чьей блестящей идеей это было?

На какой-то безумный момент Грейс захотелось бросить щетку и сбежать, но она постаралась остаться спокойной.

– Мисс Райленд, – почти прошептала она.

– Райленд? Господи боже мой!

Несколько секунд они молча стояли во мраке, после чего Джордж, очевидно, принял волевое решение.

– Иди и прими горячую ванну. Если не поторопишься, пропустишь чай, а я уверен, ей этого не захочется.

Видя, как Грейс колеблется, он заорал:

– Беги!

И добавил уже мягче:

– Иди, девочка. Вымойся. Я сам все объясню мисс Райленд.

Грейс, залившись слезами, поплелась в общежитие под бледным светом луны.

Позже, когда она выходила из столовой, мисс Райленд остановила ее.

– Похоже, Патерсон, вы не так поняли меня. Вам следует очень внимательно слушать и безоговорочно выполнять мои приказы. А теперь мы оставим эту тему, и, пожалуй, на этот раз я не стану писать на вас рапорт.

Грейс не смогла заставить себя сказать «Да, мисс» и, резко кивнув, побежала наверх, к подругам.

Она все еще не написала друзьям в Дартфорд, но, сидя у постели Олив, думала о них. Сравнивала их с мисс Райленд и ругала себя за то, что так плохо разбирается в людях.

– А я-то считала ее милой женщиной, хорошей и честной. Ну разве она может сравниться добротой с миссис Бруэр или миссис Петри. И я не ослышалась, а прекрасно поняла ее слова. Она мне солгала. И еще мне нужны нормальные жилеты и теплые носки, – пробормотала Грейс непривычно тихой комнатой. – Я же обещала тебе, Олив, жилет. Думаю, что смогу одолжить еще и шерстяные носки, как только поправишься.

Незаметно для Грейс соседки по комнате встали и принялись рыться в скудных пожитках.

– Каждая старушка в нашей деревне связала мне теплые носки, и, бьюсь об заклад, без вязаного жилета тоже не обошлось, – сказала девушка из Йоркшира, немного постарше остальных. – Ненавижу прикосновение шерсти к голой коже, но что можно сказать пожилым леди?

– Большое спасибо, – хором пропели девушки. Раздался дружный смех.

– Я не могу взять все это, – прокашляла Олив, когда на кровати выросла гора вязаных носков, чулок, жилетов и даже трусиков.

– Не расстраивайся, мы все поделим. В этой войне мы должны держаться вместе, правда, леди? – весело заявила Бетти и заставила Олив улыбнуться, вытащив из груды вещей громадный вязаный жилет и натянув его поверх пижамы. Затем сняла и выставила на всеобщее обозрение.

– Маловат для меня. Есть охотники?

Грейс, все еще раздосадованная и злая, начала немного расслабляться в дружеской атмосфере. Именно так она шутила со старыми школьными подругами. Никто не украдет их место в ее душе. Но она улыбнулась, понимая, что эти молодые женщины всегда будут занимать особое положение в ее новой жизни.

Еще через два дня мисс Райленд была вынуждена признать, что Олив не стало лучше, и позвонила доктору. Грейс и Бетти было позволено остаться с Олив. У Грейс не имелось никакого опыта в уходе за больными, так что она не знала, как сбить температуру Олив.

– Она вся горит, Бетти. Что мы можем сделать до приезда доктора? Может, снять тяжелое одеяло?

Она уже шагнула к кровати.

– Нет, – резко бросила Бетти. – Если я верно помню, няня в таких случаях опускала нас в холодную воду, а потом тут же снова запихивала в теплую постель, и так до тех пор, пока не снизится температура. И еще я знаю, что она не должна лежать на сквозняке.

Грейс огляделась.

– Жаль, что нет камина. Я могла бы легко набрать веток в лесу. Здесь все время откуда-то дует.

Она рассерженно подбежала к маленькому окошку и попыталась выглянуть:

– Ни черта не вижу. Сейчас спущусь вниз, буду ждать машину. Не могу просто сидеть сложа руки.

Олив закашлялась, громко, надрывно, сотрясаясь всем телом.

– Все будет хорошо, Грейс, – прохрипела она.

Пугающий свист в груди девушки слышали слишком часто за последние несколько дней. Она постоянно металась в жару, сбрасывая одеяла, чем еще больше тревожила подруг.

Бетти, державшая Олив под спину, пока не прошел спазм, опустила ее на подушку.

– Грейс, принеси три чашки чая. Олив, ты ведь выпьешь чашечку? Думаю, ты просто умираешь от жажды. Да и мы все тоже.

Грейс схватила джемпер и натянула поверх одежды. Еще будет время продолжить борьбу за обещанные пальто, когда выздоровеет Олив.

Правда, вместо того чтобы отправиться на кухню за чаем, она напрягла слух, чтобы услышать дверной звонок, но до нее доносился только стук тяжелых ботинок по деревянным ступенькам.

Было слишком холодно стоять на лестнице, глядя на подъездную дорожку, поэтому она решила пробежаться до ворот в надежде увидеть машину доктора.

Грейс добралась до ворот, коснулась засова. Прислонилась к железным решеткам, чтобы немного отдышаться, и тут увидела вдали велосипед. Он медленно катил вперед: наездник боролся с ветром и весом древней машины. Разочарование. На велосипеде сидела женщина.

Грейс никогда не ощущала такого бессилия, как сейчас. Олив нужен доктор! Доктор, который справедливости ради должен был приехать еще два дня назад. Но тут ветер раздул плащ велосипедистки, и Грейс заметила ярко-красную подкладку.

– Медсестра! – завопила она! – Медсестра!

Встрепенувшись, она помчалась по дороге, чтобы встретить женщину.

Та никак не могла отдышаться, но вручила Грейс медицинский саквояж и, облегчив ношу, побрела к общежитию.

– Мы посылали за доктором. Где он? – спросила мисс Райленд вместо приветствия.

– Придется довольствоваться мной. Я окружная сестра Стивенсон, а доктор слишком занят. Да и лучшее средство от простуды – мед с горячей водой и капелькой бренди, а потому я уверена, что ему не было никакой нужды сюда ехать. Мне позвонили как раз в разгар тренировок по оказанию первой помощи...

Она поднялась на второй этаж. Грейс шла следом, таща тяжелый и потертый саквояж.

Мисс Райленд решила пустить в ход свое обаяние.

– Простите, сестра, что пришлось оторвать вас от работы, но мы тоже стараемся для фронта, и здоровье наших студентов для нас на первом месте. Девушка очень хрупкая, и, возможно, ей не стоило идти в Трудовую армию, особенно в разгар зимы.

Они продолжали подниматься вверх.

Этим вечером почти у всех девушек не было аппетита. В камине столовой ревел огонь, восхитительный аромат жареного картофеля почти забивал запах печеных яблок, от которого текли слюнки, но, несмотря на присутствие молодых голодных женщин, в комнате было необычно тихо.

Взглянув на трясущуюся и потную Олив, сестра, рассерженно бросив «нужно было послать за мной раньше», отослала девушку в ближайшую больницу.

– Плеврит? – переспрашивали друг у друга студентки. – Что такое плеврит, Грейс? Что-то вроде пневмонии?

Грейс, которая резала картофелину на кусочки, не пытаясь положить их в рот, покачала головой.

– Сестра ничего не объяснила. Думаю, дело в легких, но я никогда раньше не слышала о такой болезни. Болит в груди, и трудно дышать. Мисс Райленд поехала с Олив.

Новости встретили со смешанными чувствами. Большинство радовались, что заведующая поехала с Олив, но некоторые опасались, что это лишь доказывает, насколько та больна.

– Она одна из тех, у кого нет пальто! – гневно кричали девушки. – Нам обещали теплую одежду.

– Только последняя партия работников осталась без пальто. Но их обещали выдать, – пытаюсь утешить друг друга, вторили им другие девушки.

– Бросьте, леди. Лучше посмотрите, какой ужин, – вмешалась одна из студенток. – Ешьте, сегодня с яблоками подали настоящий заварной крем. Завтра наступит новый день, и нам не нужно, чтобы еще кто-то заболел!

Бормотание и ворчанье постепенно улеглись, когда здоровый аппетит взял верх. Некоторые оглядывали теплую уютную комнату с камином, скамейками и старыми, заваленными подушками диванами, блестящими латунными украшениями на стенах. Да, работа тяжелая, зато кормят прекрасно. Одна студентка, вероятно, из тех, кому не стоило взваливать на себя такой непосильный труд, заболела, но получила наилучший из возможных уход. Разве стоит из-за этого переживать? Завтра они узнают что-то новое, и настанет день, когда, вооруженные добытыми тяжким трудом умением и опытом, девушки начнут новую жизнь.

Этим вечером в спальне не было тихо. Хорошо понимая, что им придется рано вставать, девушки не могли успокоиться и сидели на кроватях, перебирая события последних нескольких дней. Молчали только Грейс и Бетти Гуд, самые близкие подруги Олив. Какой смысл болтать, теряя драгоценные минуты, посвященные сну? За Олив ухаживают: никто, по мнению Грейс, не мог сделать большего, чем сестра Стивенсон, да и у больничного персонала есть оборудование, которого не может быть у окружной сестры.

Громкий звон будильника заставил их подскочить, наскоро умыться и одеться. Рабочий день начался после завтрака, и Грейс была рада, что лекцию по севообороту назначили вместо расчистки канавы.

– Здорово! – воскликнула Бетти. – Сидеть в теплой уютной аудитории лучше, чем стоять в ледяной воде, вытаскивая на свет божий бог знает что. Однажды я нашла в канаве овечью голову!

Грейс была согласна с Бетти, но уже через несколько минут обнаружила, что способна думать только о больничной койке, на которой лежала Олив. Было ли что-то такое, что она могла сделать раньше и не сделала? Если бы она заметила, как дрожит Олив, если бы настояла, чтобы та надела теплое белье, если бы им раздали обещанные зимние пальто, – лежала бы Олив сейчас в больнице?

Она с усилием заставила себя вернуться к лекции: пшеницу сеют после картофеля... или наоборот? И какое это имеет значение?

– Ты почти ничего не записываешь, Грейс, – заметила одна из соседок по комнате, когда лекция закончилась.

– Только то, что имеет смысл. – отмахнулась она, глядя на разлинованный блокнот.

Под руку с Бетти Грейс прошла по столовой, где огонь горел в камине и на длинном деревянном столе стояли кружки с «Оксо», разведенными бульонными кубиками или поразительно крепким чаем. Девушки выбрали чай и отошли от камина как раз в тот момент, когда дверь открылась и появилась мисс Райленд. В комнате стало тихо, а женщина, стоя на пороге, оглядела людную комнату.

– Прошу девушек из комнаты одиннадцать зайти ко мне в кабинет.

Она вышла, но обернулась и в неудачной попытке улыбнуться попросила захватить с собой горячие напитки.

Грейс и Бетти, уже поднявшие кружки, немедленно взяли другие и вместе с остальными девушками пошли к двери. По дороге все молчали.

Кабинет был небольшим: маленький камин, где слабый огонь безуспешно боролся с холодом, металлический буфет с ключом в дверце и два складных стула у стены. Места для всех едва хватало.

Мисс Райленд оглядела всех и, никому не глядя в глаза, выпрямилась.

– Мне нелегко говорить об этом, но сейчас позвонили из больницы... Олив Тернер умерла рано утром.

Грейс словно окаменела. Умерла? Как могла Олив умереть? Она уехала из дома, оставив жилет, а вместе с ним, получается, и детство. Девушка слышала громкий голос, озвучивающий вопрос «почему?». И поняла, что голос принадлежит ей. Голос... ее голос продолжал:

– Почему умерла? Она всего лишь простудилась. Почему простуда вдруг перешла в плеврит?

Остальные стали перешептываться. Бормотание и шепот, словно шелест падающих с деревьев листьев, заполнили комнату. Мисс Райленд глубоко вздохнула.

– Мы, британские женщины, тоже солдаты, ведущие собственную борьбу. В иные времена мисс Тернер, возможно, не приняли бы в Земледельческую армию. Да, у нее была простуда, быстро перетекшая в плеврит... с дальнейшими осложнениями.

Присутствовавшие в комнате хором охнули и стали переглядываться с испуганным недоверием.

Мисс Райленд заговорила еще быстрее:

– Больничный персонал сделал все возможное, все...

– Мы не сделали всего возможного, – перебила Грейс. – И вы тоже. Вы все равно что убили ее.

Собственный голос отдавался в ушах, напряженный, подрагивавший от эмоций. Она хотела остановиться, но голос – ее голос – продолжал.

– Вы не хотели меня слушать. Почему? Потому что...

Она осеклась.

Бетти Гуд подскочила к ней, обняла и попыталась успокоить.

– Довольно. Все свободны, кроме Патерсон, – прервала ее мисс Райленд.

Грейс, чувствуя себя так, словно вся сила куда-то утекла, наблюдала, как уходят девушки: некоторые сочувственно на нее поглядывали, некоторые отводили глаза, будто боясь, что их заподозрят в связи с ней и ее неожиданным взрывом эмоций.

Несколько минут мисс Райленд молчала. Грейс смотрела прямо перед собой. Она помнила, как, охваченная ужасом, стояла перед Меган, а до этого, много лет назад – в почти таком же кабинете. Но кто тогда говорил с ней?

Не важно; обрывки воспоминаний появлялись и исчезали и, возможно, придут снова. На этот раз более отчетливые.

Она ждала.

Заведующая подошла к окну, выглянула наружу, потом стала перебирать карандаши на столе. Некоторые из них нужно было очинить.

– Я бы выбросила вас отсюда, если бы могла. Но почему-то вы произвели хорошее впечатление на мистера Эркarta, и он скорее всего выскажется в вашу пользу. К несчастью, как это ни обидно, у него больше власти.

Она шагнула к Грейс и всмотрелась в ее лицо.

– Слушайте внимательно. Идите к себе, оставайтесь там до ужина, ничего не говорите другим девушкам, держитесь подальше от меня до конца обучения, и, может быть, всего лишь может быть, это поможет вам пройти весь курс. А теперь убирайтесь.

Грейс на подгибающихся ногах вышла из кабинета. Видела ли она когда-нибудь столько ненависти в чьем-то взгляде? Меган смотрела на нее раздраженно, но без ненависти.

Она немного постояла у подножия лестницы и вдруг нервно хихикнула. Интересно, кто ее защитник, этот мистер Эркарт?

Вернувшись в спальню, где было пусто, Грейс подошла к своей кровати и села.

«Мертва. Только несколько дней назад была жива и здорова, а теперь мертва. Бедная малышка Олив».

Грейс не могла позволить и Дейзи Петри так легко уйти из своей жизни, а потому встала, вынула блокнот и быстро, не задумываясь, написала записку Дейзи.

Дорогая Дейзи,

Со мной все в порядке. Скажи всем, что я очень сожалею, и простите меня. Надеюсь, у вас все хорошо.

Грейс

Она думала совсем о другом Петри, когда писала все это. И решила, что скоро всем все расскажет подробно.

Написав наконец подруге, она почувствовала, как свалилась с плеч огромная тяжесть. Грейс потянулась и оглядела комнату.

Кровать Олив была рядом. На ней все еще виселась гора одежды. Бедной Олив она больше не понадобится.

– Глупо оставлять ее здесь, – решили большинство девушек, вернувшись в спальню после ужина. – Кто знает, чем нам придется заниматься в следующем месяце. Может, будем благодарны за лишний жилет.

Грейс оставила запасной жилет и толстые чулки на кровати Олив и облегченно вздохнула, когда за несколько дней до окончания курса они таинственным образом исчезли.

К тому времени как наступил последний день обучения, повсюду расцвели нарциссы, и сирень у ворот обещала со дня на день взорваться душистыми гроздьями.

– Жаль, что я этого не увижу, – вздохнула Бетти.

Она и Грейс вместе шли к автобусу, который должен был отвезти их на ближайший вокзал, где им предстояло начать первое путешествие в качестве полноправных трудармеек.

– Господи, Бетти, я это сделала... мы это сделали! Глупо, но иногда я верила, что это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Мы квалифицированные сельские труженицы, и я почти уверена, что чувствую запах сирени.

– В следующие несколько недель повсюду будет полно сирени, – перебил мужской голос. Это был Джордж, старший дояр.

– Я везу телку на ферму Блубелл. Вокзал по пути, леди. Так что, если не возражаете против тесноты, я вас подвезу.

– Фантастика! – хором откликнулись девушки.

– Готовы даже втиснуться рядом с телкой, – засмеялась Бетти, но поспешно вскарабкалась на сиденье надежного старого «Остин К3» рядом с Грейс.

Некоторое время они молчали, и только оказавшись на большой дороге, ведущей к городу, Джордж заговорил:

– Скверное дело с той девушкой случилось.

Эйфория от окончания обучения мгновенно испарилась. Бетти и Грейс грустно закивали.

– Пусть нам всем будет уроком: лучше сделать слишком много слишком рано, чем слишком мало и слишком поздно.

Он подался вперед и вытер воображаемое пятнышко с лобового стекла.

– Счастливы, что едете на одну ферму?

– К сожалению, это не так, сэр, – ответила Грейс. – Бетти очень хорошо училась, и ее направили на прекрасную ферму в Девоне. А я не покрыла себя славой и еду на ферму, о которой никто ничего не знает.

Она не добавила, что едва не упала в обморок от облегчения. От сознания того, что больше не увидит мисс Райленд и не услышит ее голоса.

Ей хотелось петь, прыгать от радости, но сейчас это было невозможно.

Звук, отдаленно напоминавший смех, прервал ее мысли.

– Похоже, ты крепко стала на ноги. И у тебя появились друзья.

– Мы все так считаем, Джордж, – заметила Бетти, – но Грейс трудно убедить. У нее появился защитник. Мистер Эркарт.

– Да. Упертый чудаков этот Эркарт. Но на будущее запомни, Патерсон: сражаться нужно с оглядкой. И к тебе это тоже относится, – добавил он, глядя на Бетти. – А вот и вокзал. Выходите.

Девушки поспешили к кузову грузовика, чтобы забрать чемоданы.

– Спасибо, Джордж, – сказали они хором.

– Если увидите мистера Эркарта... – начала было Грейс.

– Думаю, он уже все знает. Доброго пути вам.

Он отъехал, оставив девушек провожать его взглядом.

– Это не он! – полушутливо воскликнула Грейс.

Она продолжала смотреть вслед обшарпанному грузовику, пока тот не исчез из вида.

– Наверняка он, – расхохоталась Бетти. – Готова побиться на полкроны, что он и есть твой рыцарь в сверкающих доспехах.

Грейс покачала головой. Джордж был добр, терпелив и требователен, но рыцарь...

Однако возможности поразмыслить над этим не было: оставалось совсем мало времени, чтобы успеть на поезда, идущие в разных направлениях.

– Ты будешь писать мне, дорогая?

Грейс обещала, хотя помнила, сколько писем ей нужно было еще написать.

«Я стану организованной. Я не потеряю связь с Бетти. Но сначала дам знать о себе старым подругам».

Только усевшись в вагон, который, как ни странно, был почти пуст, она задумалась насчет нового места. Миссис Райленд дала ей плохую характеристику. Ей грозило исключение, но вмешался мистер Эркарт, и Грейс послали в большое поместье, совсем недавно потребовавшее помощи от правительства.

– Эркарт считает, что мы еще будем гордиться вами, Патерсон, – заметила мисс Райленд, когда рассказывала о ее новом назначении. – Это большое поместье, которым владеет настоящий лорд. Правда, вы вряд ли подойдете близко к нему или его родным. Вам дадут комнату, полагаю, в помещении для слуг, так что вы будете чувствовать себя как дома.

Грейс не позволяла, чтобы ее провоцировали. И сейчас чувствовала: мисс Райленд надеется, что она ляпнет нечто дурное и дело закончится исключением. Но Грейс не дала ей такой возможности.

«Как она могла так легко обмануть меня? – спросила себя Грейс. – Я считала ее добрым равнодушным человеком».

Мисс Райленд резко отвернулась, словно слышала мысли Грейс. Она предпочитала спрятать лицо, а не смотреть ученице в глаза. Она спокойно постояла несколько секунд и снова обернулась к Грейс, очевидно взяв себя в руки.

– Вы понимаете фразу «большое поместье»? Это не только резиденция аристократа. Оно очень велико. К несчастью для вас, его светлость поощряет стремление работников идти в армию, и сейчас он... нуждается в рабочей силе. Возможно, скоро туда приедут еще несколько квалифицированных трудармеек, но пока что вы и несколько старших рабочих, а также все, кого он сумеет найти, будут трудиться на ближайшей ферме, а также и на других, более отдаленных. Несколько пожилых мужчин и вы, Грейс Патерсон, трудармейка, будете отвечать за всю круглогодичную работу на большой ферме. Сюда входят не только ваши любимые занятия – дойка смирных коров и доставка молока, но и чистка забитых дерьмом коровников, подготовка земли, пахота, косьба, внесение удобрений, прополка, жатва. Уверена, вы выросли в лачуге, где мыши устраивают балы, но имели ли вы когда-нибудь дело с крысами? И я еще едва начала перечислять, что вас ждет. О господи, как же вы будете уставать! Уж точно не найдете время совать свой нос в дела, которые вас не касаются. Можете идти.

Теперь Грейс смотрела в окно и облегченно вздыхала. Несмотря ни на что, она добилась своего. Она трудармейка и едет работать на ферме. Она сможет справиться со всем, включая крыс, хотя при этой мысли Грейс невольно вздрогнула. Жизнь просто не может стать еще лучше.

В животе словно пузырьки лопались. «Это начало фантастической новой жизни, – твердила она себе. – Смотри вперед, в будущее и старайся помнить о прошлом только хорошее».

Глава 2

Берфордшир. Март 1940 г.

Ей в жизни не было так холодно.

Грейс в одной пижаме стояла у пустой кровати и хотела одного: поскорее забраться обратно. Где ее одежда? Она ничего не видит в темноте.

«Не паникуй, Грейс, – велела она себе. – Ты стоишь у кровати, а стул, на котором сложена одежда...»

Она нагнулась и шарила по кровати, пока не наткнулась на железное изголовье.

– Есть, – прошептала она сквозь стучавшие зубы. Потом вытянула правую руку и шагнула вперед, пока не наткнулась на стул, которому вчера вечером дала кличку Отвислая Задница. Одежда была аккуратно сложена на продавленном сиденье. Она ощупью перебрала горку, пока не наткнулась на трусики и поспешно их натянула. Далее – толстые и, по счастью, теплые шерстяные носки. Кремовая рубашка фирмы «Аэртекс» военного образца, зеленый теплый джемпер и, наконец, вельветовые бриджи.

– Ненавижу вас, дурацкие бриджи, – прошептала она, сражаясь с завязками у колен. Она еще не овладела искусством молниеносно надевать их и снимать.

Из-под двери пробивался горевший в коридоре свет.

– Вы проснулись, Грейс? – спросил кто-то.

– Да.

Дверь открылась. На пороге появилась женская фигура.

– Добро пожаловать в Уайтфилдз-Корт. На случай, если не запомнили названия станции – Бигглзуэйд, все мы находимся в графстве Берфордшир.

Она тут же сменила тему:

– Почему вы одеваетесь в темноте?

Не дожидаясь ответа, Грейс чиркнула спичкой, которая вспыхнула и на мгновение осветила леди примерно возраста ее сестры. Только она была одета так, как оделась бы сама Грейс, получив возможность умыться и закончить одевание.

– Почему вы не взяли керосиновую лампу? – деловито, но добродушно спросила женщина.

– Мне не дали.

Загорелась вторая спичка. Женщина подошла к маленькому туалетному столику и зажгла стоявшую там свечу.

– Теперь вы найдете дорогу в туалет. Не будьте такой стеснительной. Мы все туда ходим. Если через пять минут спуститесь вниз, успеете выпить чашку чая и согреться перед дойкой. Иначе придется ждать, пока она закончится. А теперь рысью!

Грейс ринулась в туалет. Что-то в голосе женщины позволяло предположить, что она привыкла к безусловному повиновению, и кроме того, Грейс хотела чая, горячего и сладкого. Это было бы здорово, но сойдет и просто горячий.

Она в жизни не одевалась и не умывалась так быстро. С тяжелыми военными ботинками в руках она ворвалась на кухню ровно через пять минут. Миссис Лав, женщина, с которой Грейс познакомилась вчерашней ночью, – возможно, кухарка или экономка, – возилась у большой кухонной плиты, а женщина, приходившая в комнату Грейс, курила, прислонившись к буфету. Она бесцеремонно оглядела девушку и приказала:

– Джесси, дайте ей чая в оловянной кружке. Она сможет пить его на ходу.

– Да, мэм.

До этой минуты девушка не особенно верила, что есть люди, говорящие «да, мэм», но, похоже, миссис Лав из таких.

– Не глазами так, Грейс, это ужасно грубо. И возьми с собой кружку, – произнесла она и, обратившись к миссис Лав, добавила: – Мы вернемся к завтраку.

«Прозвучали ли в ее голосе предостерегающие нотки?» – пронеслось в голове Грейс.

Но она молча взяла кружку, поблагодарила миссис Лав и последовала за женщиной в темноту. Жгучий холод огрел ее, как лопатой.

– Где ваше пальто?

Пока Грейс пыталась найти слова, женщина повелительно взмахнула рукой:

– Можете не говорить: вам его не выдали. Интересно, как эта страна надеется выиграть войну?

Грейс совершенно верно предположила, что ее спутница не ждет ответа на столь важный вопрос. По крайней мере не ждет ответа от *нее*. Она пыталась глотать горячую жидкость и одновременно почти бежала в полном мраке. Может, это представитель Министерства обороны? Никогда не думала, что они поднимутся раньше рабочих или вообще появятся здесь. Неужели в честь ее первого рабочего дня?

Перед ней маячило нечто большое и прямоугольное. Грейс присмотрелась. Здание. Коровы! Чудесные теплые коровы! Что бы ни говорила Райленд, а дойка никогда не была ее любимым занятием. Но сидеть, прислонившись лбом к теплому коровьему боку, куда лучше, чем мерзнуть на улице.

Женщина из министерства была так же помешана на чистоте, как Джордж.

– Нам удалось избежать бруцеллеза и ящура, и бог знает каких еще болезней, которым подвержены эти прелестные глупые животные. Главное – абсолютная гигиена. Каждое утро на полу будет лежать для вас чистый комбинезон, и я стану проверять ваши руки, – простите, – пока не пойму, что вам можно доверять.

– Старший дояр на учебной ферме был ужасным придирой.

– А, старина Джордж, лучший дояр на всю страну, – рассмеялась женщина. – Как видите, у нас еще нет нового доильного аппарата. Мы не пастеризуем молоко отчасти потому, что местные покупатели желают получать молоко «из-под коровы». Они любят то, что называют «разливным молоком», не бутилированным. И мы пользуемся старомодными кувшинами и бидонами. Как в случае с вами и теплым пальто, могу заверить, что прогресс не будет стоять на месте. А сейчас начнем.

Грейс огляделась. Тридцать – сорок коров терпеливо ждали дойки. Сладкий запах сена перебивался другим, знакомым, более едким, хотя не слишком неприятным. Она часто ощущала его на учебной ферме.

– Фу, – пробормотала она, уткнув нос в бок коровы, которую доила.

– Часть развлечений на ферме, – усмехнулась ее спутница. – Я начну с другого конца. Крикните, если понадобится помощь. И следите за большой Молли, третьей отсюда. Она любит сбивать ведра на пол.

«Класс», – подумала Грейс. Интересно, на всех фермах имеется корова, находящая радость жизни в том, чтобы разливать молоко? Первый день, никакого завтрака, и корова – любительница футбола. Но Молли не доставила ей никаких неприятностей, и Грейс наконец очутилась рядом с дамой из Министерства обороны и с тревогой увидела, что та подоила на пять коров больше, чем она. Грейс украдкой поглядывала на нее. Какие прекрасные руки. И на ногтях маникюр, как у Меган, только лучше.

Она глянула на свои изуродованные работой руки и вздохнула.

– Проблема, Грейс?

– Нет, мисс. Моя школьная подруга работает в Национальной ассоциации службы развлечений. Ваш маникюр напомнил мне о ней.

– Ну при каждодневной дойке долго он не продержится. Следовало бы обрезать ногти, но времени не было. И пожалуйста, не называйте меня «мисс». Я дочь его светлости. Вношу свою лепту. Зовите меня леди Элис. Итак, можете найти дорогу на кухню? Идите. На завтрак вам дается полчаса. И как можно скорее назад, развозить молоко.

Грейс поспешила в дом. Мозг работал так же быстро, как ноги. Она доит коров вместе с дочерью лорда! Обязательно нужно написать об этом Дейзи! И женщина вполне обычная, стройная и элегантная, с красивыми каштановыми волосами и нежно-сливочной кожей, и лучше Грейс умеет доить! Представить только! Война делает с людьми странные вещи, верно? На леди Элис была униформа трудармейки, совсем как у Грейс, если не считать чудесного теплого пальто.

– Я тоже вношу свою лепту, – повторила она вслух.

За длинным деревянным кухонным столом сидели двое мужчин. Грейс на секунду поколебалась.

– Если ты на завтрак, садись, – велела кухарка. – Это всего лишь мужчины. Они не кусаются.

Один из мужчин рассмеялся, и Грейс заметила, что он довольно молод.

– Добро пожаловать в нашу компанию, – сказал он, разводя руки на размер стола, словно приглашая в объятия. – Мы непатриотичные кончиз³. – В его голосе звучали нотки сарказма.

– Мы те, кого называют пацифистами, но тоже выполняем свой долг и действительно не кусаемся, – добавил друг молодого парня.

Грейс вспыхнула и уселась как можно дальше от мужчин. «Кончиз? Сознательные отказники».

Она слышала о таких людях, чьи принципы не позволяли им сражаться на фронте. Но это еще не делает их непатриотичными.

– Тише, Джек. Ты пугаешь девочку, – покачал головой старший мужчина. – Она приехала только вчера ночью и, должно быть, считала, что придется работать в одиночку. Мы чистим канавы, так что вы будете видеть нас только за столом.

Грейс нерешительно улыбнулась. Она привыкла к мужчинам рабочего класса, как этот, но высокий и какой-то сдержанный, но при этом шутливый Джек с его бархатным голосом – нечто совершенно иное.

Перед ней поставили тарелку, и она тут же забыла о мужчинах. Бекон, два яйца, картофель, жаренный в жиру от бекона. Не важно, сколько придется работать, лишь бы кормили, как сейчас.

– Спасибо, – почти благоговейно прошептала она. Трудно не сравнивать эту еду с тем, что давали на учебной ферме. Никаких отдельных горшочков. На столе стояли две большие миски с маслом и джемом.

– В заварнике чай, – сообщила краснолицая кухарка, возвращаясь к плите. – Налей себе сама.

Грейс искоса поглядела на круглый коричневый чайник. Сумеет ли она поднять его и налить, не разбрызгав чай?

– Эта тростинка никогда не поднимет такой тяжелый чайник, – заметил пожилой мужчина. – Джек, ты сидишь ближе.

Джек молча налил Грейс чаю. Она не привыкла быть объектом общего внимания, но, смущаясь, поблагодарила за проявленную доброту и стала есть.

³ Лица, отказывающиеся от военной службы по пацифистским или другим соображениям.

Некоторое время все молчали, и Грейс гадала, не покажется ли наглым с ее стороны затеять беседу. На учебной ферме все трещали целыми днями. Почему эта ферма должна быть иной?

– Тяжелая это работа – чистить каналы.

Мужчины глянули на нее и без единого слова уткнулись в почти пустые тарелки.

Атмосфера в комнате, и без того тяжелая, стала по-настоящему сложной.

– Для уклонистов всякая работа недостаточно тяжела, – ехидно заметила кухарка.

Мужчины на мгновение застыли, но тут же снова принялись за еду.

Грейс собралась с храбростью.

– Это одна из важнейших работ на войне, – тихо пояснила она. – Лекторы учебной фермы говорили, что до тридцать девятого года в Англию импортировалось больше половины продуктов. Теперь нашим фермерам предстоит удвоить или утроить количество производимой продукции, и если каналы не будут очищены, поля не получают орошения и урожай сгниет.

Окончательно смутившись, она глотнула чая и встала, чтобы идти. Кухарка тоже поднялась, сложила руки на груди, и, судя по выражению ее лица, Грейс опять ухитрилась нажать себе грозного врага.

– Я Гарри Макманус, – сказал жилистый пожилой мужчина, вставая, – и спасибо, маленькая защитница. А молодой парень – Джек Уильямс. Он учился на доктора, спасать жизни даже таких, как она.

Он кивком показал на грузную фигуру кухарки.

– Раньше я водил автобус. Но на ферме мне нравится. А ты как сюда попала?

– Вы здесь, чтобы работать, а не молотить языками над чашками, – прошипела кухарка, усилив свои позиции.

Грейс улыбнулась Гарри:

– Пошла добровольцем. А сейчас мне нужно разносить молоко.

Мужчины вышли из кухни.

– Если только ее светлость не замерзла до смерти, ожидая тебя.

Грейс ахнула и поспешила во двор. Неужели она потратила больше получаса?

– Пожалуйста, пожалуйста, хоть бы я не опоздала, – бормотала она себе под нос и, хотя тяжелые ботинки тянули к земле, попыталась бежать.

Леди Элис сидела в грузовике, развозившем молоко, и при виде Грейс только произнесла:

– Позади вас лежит мое старое пальто. Пока что сойдет, но я позвоню насчет вашей униформы. Меня, как обычно, заверят, что обязательно все пришлют в ближайшие дни.

Она завела двигатель, и грузовик медленно выехал с фермы.

– Спасибо. Я могу подождать, леди Элис.

– Зато я не могу. Надевайте пальто.

По дороге они не разговаривали. Грейс все перебирала в голове то, что должна была сказать. Видя леди Элис в униформе, хоть и сшитой из дорогой ткани, Грейс подбирала слова, которыми можно описать ее Дейзи. Форма красивая и хорошо сидит. Так она напишет. На самом же деле форма была уродливой, мешковатой и совершенно не подходившей для зимы. Ботинки оказались ужасно тяжелы: к концу дня она очень уставала и натирала ноги до волдырей. Но по крайней мере до нее никто не носил эту одежду. Она принадлежала исключительно Грейс.

– Кошка проглотила ваш язык? – спросила наконец леди Элис. – Расслабьтесь. Когда мы доберемся до деревни, которая, кстати, называется Уайтфилдз Виллидж, возьмите мерную банку, которая лежит сзади, рядом с маслостойками, наполните молоком и идите в первый дом. Постучите, и, если не ответят, зайдите: дверь окажется открыта, и мерный кувшин

хозяйки будет стоять на буфете или на столе. Наполните его и направляйтесь в следующий дом. Возможно, один-два человека уже проснулись, завтракают, готовятся к школе или работе. Просто скажите: «Привет, я Грейс», и все у вас получится. Вопросы?

– Нет, леди Элис. Спасибо за пальто.

– Работников нужно ценить. Все, я останавливаюсь. Сначала пальто, потом молоко.

Грейс протянула руку к свертку у хозяйки и нащупала что-то мягкое. Она схватила ткань и потянула.

– Вам потребуются обе руки, Грейс. Оно большое.

Грейс потянула обеими руками, и пальто, прекратив борьбу, сползло на переднее сиденье. Грейс завороченно уставилась на него.

– Леди Элис... – начала она.

– Ему уже двенадцать лет. Но, думаю, оно согреет вас, пока интендантство не приведет свои дела в порядок. А сейчас, ради всего святого, наденьте его и разнесите молоко.

Темно-коричневое кожаное пальто с меховой подкладкой было очень тяжелым. Вес удивил девушку, когда она его натянула. Такое длинное, что доходило почти до щиколоток, и сильно затрудняло ходьбу. Но Грейс была уверена, что даже если ляжет на тротуар, все равно в этом пальто ей будет тепло и уютно.

Она даже улыбнулась.

– Экспериментировать я не собираюсь, – сказала она вслух, подходя к первому дому. Постучала, открыла дверь и оказалась в маленькой темной комнате. Судя по запаху, на угли высыпали картофельные очистки в бесплодной попытке оставить их гореть до утра. Она едва различила очертания кувшина на деревянной столешнице. Наполнила его и поспешила выйти. Грейс росла в бедности, и вид этого дома был таким же угнетающим, как и вид ее собственного дома в детстве.

В следующем домике была зажжена газовая горелка. Женщина с усталым лицом нагнулась над огнем, на котором кипела кастрюля.

– Спасибо, мисс, – произнесла женщина с улыбкой. – Вы новенькая. А куда девалась прежняя девушка? Вернее, женщина, гораздо старше вас. Я бы сама пошла в армию, если бы не та троица наверху, которая ждет свою овсянку.

Она перестала мешать что-то в кастрюле и выпрямилась.

– И еще один в пути. Вот кувшины. По пятницам я беру двойную порцию: парнишкам сестры на ужин.

Грейс наполнила кувшины, с улыбкой попрощалась и поспешила к грузовику.

– Мне следовало предупредить вас о Пегги. Она способна заговорить любого до полу-смерти, только дай ей возможность. Славная женщина и хорошая мать. Но у нас нет времени на болтовню. Полагаю, с детьми труднее, чем с животными, потому что они точно дают знать, когда голодны. Но поскольку я не мать, должна заметить, что животные так же важны. Это шокирует вас, Грейс?

У Грейс не было времени ответить, даже если бы ей в голову пришли нужные слова. Меган уж точно считала любое дело куда более важным, чем единственный ребенок, о котором ей приходилось заботиться. Но не все так эгоистичны, как Меган.

Леди Элис хорошо знала округу и без усилий управлялась с грузовиком, развозя быстро уменьшавшийся запас молока по узким темным улочкам и переулкам, пока последний человек в деревне не получил свое.

– Вы водите машину?

Вопрос удивил Грейс, которая, закрыв глаза, незаметно задремала.

– Нет, леди Элис. Я могу ездить на велосипеде и не боюсь болтаться на широкой спине какого-нибудь мерина, но большего от меня ждать не приходится.

Леди Элис издала неподобающий леди звук вроде хрюка.

– Если мы когда-нибудь будем развозить молоко верхом на лошади, я вспомню о ваших талантах, но сейчас нам очень нужны водители. Иначе я до конца войны буду крутить баранку.

Грейс вспомнила о своих подругах, Дейзи и Роуз Петри. Обе не только водили, но и умели чинить машины. Их научили этому отец и братья.

– Никто из мужчин не водит, леди Элис?

– И сколько мужчин вы видели в поместье? Большинство молодых холостяков пошли в армию после вдохновенной речи в деревенской мэрии. Думаю, представляли, как возвращаются домой героями. Помогите им боже. Женатые остались. У нас есть несколько немолодых работников с горами знаний и опыта и парочка ушедших на покой стариков, которые решили вернуться. Они живут либо в поместье, либо в деревне – работают полный день. «Работа на фермах держит вас в форме» – неплохой слоган, верно? Но никто даже трактором не умеет управлять.

– Но те двое на кухне... – начала Грейс.

– Вы глухая? – вспыхнула леди Элис. – Нет никаких мужчин...

Она осеклась, подумала немного и начала снова:

– Простите. Вы имели в виду сознательных отказников. Я забыла о них. Как и вы, они только что прибыли. Да, они мужчины, и, полагаю, вы правы, и есть шанс, что кто-то из них водит машину. Но они сильны, а потому должны пилить деревья и рыть канавы – весьма разумное использование возможностей, не находите?

Грейс надеялась, что от нее не ждут ответа, хотя что-то в голосе леди Элис заставило гадать, о чем думает хозяйка. Сама она считала, что студенту-медику лучше всего и дальше изучать медицину, но кто она такая, чтобы высказывать свое мнение?

Бледно-серый свет раннего утра стал разливаться по небу. Грейс села прямее, стараясь разглядеть дом, где жила теперь. Прошлой ночью она успела заметить только гигантскую постройку в конце подъездной дорожки, которая была длиннее, чем Дартфорд-Хай-стрит.

– Господи, – прошептала она при виде огромного великолепного здания из желтовато-серого песчаника, великолепные пропорции которого поразили ее. Центральная часть дома, высившаяся гордо и почти вызывающе между боковыми крыльями здания, словно подчеркивала значимость происходящего. Множество окон выходило на сотни акров садов и лугов. Позже Грейс узнала, что здание построено в стиле эпохи короля Якова Первого.

Но сейчас она могла только ахать и восхищаться.

– Целый дом для одной семьи! Он больше, чем все дома на нашей улице, вместе взятые!

– Да, это нечто, – согласилась леди Элис. – Никто никогда не думает всерьез о доме, в котором живет. Уайтфилдз-Корт изначально являлся монастырем. Его построили в шестнадцатом веке. Потом он был пожалован моей семье вместе с большей частью земель и окружающих деревень по причинам, о которых лучше не упоминать. Генрих VIII решил облагодетельствовать моего предка как раз перед своей смертью...

Она остановилась на дорожке, словно для того, чтобы лучше видеть дом.

– Много земель было распродано, разумеется. Честно говоря, я никогда не могла сказать, хорошо это или плохо. Я имею в виду пожалованный дом, а не продажу земли и не кончину бедняги Генриха.

– Но он прекрасен, ваш дом.

Леди Элис снова завела двигатель и проехала мимо сверкающих окон на переднем фасаде ко входу, где и припарковалась.

– Красота от дождя не защитит. Выходите. Ланч в час дня на кухне, но теперь я хочу, чтобы вы отправились в выложенный плиткой амбар около коровника. Боб Хейзел, один из наших стариков, ждет там, чтобы показать вам ферму и объяснить, чего от вас ожидают. Увидимся в коровнике завтра утром.

Она подняла руку, то ли отпуская Грейс, то ли прощаясь, и направилась к черному ходу. Грейс, сознавая, что ее ждут, поспешила к амбару.

Сначала ей показалось, что там пусто: вокруг тихо и мирно, стоит приятный аромат сена, хотя со своего места у порога Грейс не видела ни одной вязанки.

– Привет! – позвала она. – Мистер Хейзел!

– Так вы наша трудармейка? Не собираюсь бросать грубые реплики относительно ваших размеров, зная, что в маленьких свертках часто бывают самые ценные подарки, – издалось откуда-то из амбара.

Грейс подавила смех, поскольку старик, показавшийся из-за большого ящика, вряд ли был на дюйм выше ее самой и так же худ. Но рука, сжавшая ее пальцы, была жесткой. Она смотрела в лицо мужчины и видела в нем силу и терпение.

«Слишком поспешно, Грейс. Ты слишком поспешно судишь о людях и обычно ошибаешься».

– Доброе утро, мистер Хейзел.

– Просто Хейзел. Все говорят, что я похож на усохший орех⁴.

Он пристально оглядел ее:

– У вас много опыта?

– Четырехнедельный курс, сэр... Хейзел, и когда-то я пыталась выращивать овощи в саду.

Он немного помолчал. Грейс рассматривала свои ботинки.

– Пойдемте, я вам все покажу. Здесь можно многому научиться. Как рос ваш сад? – слегка улыбнулся он.

– Мороз кое-что убил.

– Бывает.

Очевидно, Хейзел был человеком немногословным.

Через несколько часов Грейс одновременно устала и воодушевилась. Ферма при доме занимала почти две тысячи акров. Но неутомимый Хейзел заверил Грейс, что она вовсе не обошла, как считала, всю ферму. Зато она увидела многие и многие акры молодой пшеницы, несколько полей, которые еще нужно было расчистить и вспахать, пасущихся коров, цветущую живую изгородь, деревья, которым, должно быть, исполнилось не менее сотни лет, канавы в различном состоянии, огороженные участки, на которых блаженно спали свиньи, несколько коттеджей с ухоженными садами и множество хозяйственных построек, старых и современных.

– Мы любым способом должны освоить все земли. Правда, продали или отвели на бойню большую часть скота, но коровы и свиньи крайне важны для фронта. В саду гуляют куры, и если мы получаем больше яиц, чем нужно мне и миссис, я приношу их сюда. Мы выращиваем пшеницу, картофель, ячмень, морковь, свеклу...

Он осекся, и Грейс стало грустно при виде его лица.

– Когда я начинал здесь, более сорока лет назад, это место было раем. Мы выращивали все, даже персики и дыни. Ты когда-нибудь пробовала персик, Грейс?

– Да, консервированный.

– Тогда, поверь мне, ты никогда не ела персиков. Прямо с дерева, теплый в твоей ладони от солнца, нагревающего его. Вгрызаешься в него, и сок, сладкий сок, вкуснее которого ты никогда не пробовала, бежит по подбородку. А теперь мы оставили только самое основное. И у меня нет рабочих. Будь его светлость здесь, может, работу бы и ускорили. Но леди Элис работает так же много, как я, хоть и знатная дама. Она раздобыла нам трактор. Сама его

⁴ Hazel (англ.) – лесной орех.

водит, благослови ее боже, и учит меня, и пахота с трактором идет живее. Для тебя заказали новый – «Масси-харрис». Знаешь что-нибудь о них?

– Я не могу водить машину.

Худое лицо Хейзела сморщилось от смеха.

– Возлюби тебя боже, девочка, эта модель сама ездит!

Грейс попыталась улыбнуться. Хорошо, что солнце поднялось, и вокруг такая красота!

Они прошли по течению ручья, видели массы крошечных желтых примул и даже кустики розовых. Грейс восхищенно нагнулась, чтобы рассмотреть изящные цветочки. Разрешат ли ей набрать букетик для комнаты?

Она чувствовала, что где-то давным-давно видела такие ковры весенних цветов.

«Только не в Дартфорде», – твердила она себе, хотя на ферме, куда пробралась вместе с Дейзи, были примулы.

Она пыталась воскресить воспоминания, но мешал голос Хейзела. Мужчина показал на маленький коттедж:

– Это мой. Мы с миссис живем здесь. Пока что электричества нет, но мы со временем подсоединимся к общей энергосистеме как старейшие работники. Дождаться не могу. У нас есть кролики, и я выращиваю цветы в переднем палисаднике. В основном розы, но я люблю хризантемы. Осенью здесь просто выставка хризантем.

– Мне не терпится их увидеть, – сказала Грейс.

На лице старика мелькнула тень сомнения.

– Не думаю, что ты здесь долго протянешь. Слишком много работы...

Он помолчал, словно ожидал возражений.

– Вижу, ты девочка стойкая, и мы сможем кое-что сделать. Но при самых благих намерениях, если сюда не пришлют трудармеек или даже заключенных, сделать что-то по-настоящему невозможно. Его светлость собирается принять семьи беженцев. Комнат много, почти все пустуют, и он надеется, что они помогут на ферме.

– На ферме такого размера необходимы десятки работников. Леди Элис сказала, что все молодые люди ушли в армию.

– Его светлость вызвали в Министерство обороны, и мы почти его не видим. Иногда приезжает по уик-эндам, чтобы составить компанию ее светлости, но всецело посвящает себя работе на победу. Возможно, не следовало говорить тебе, но молодой человек леди Элис тоже ушел в армию, как только объявили войну, вместе с другими мужчинами. Так больше шансов послужить родине.

– Но фермеров на войну не берут.

– Работа очень скучная, если просто выполняешь свои обязанности. Думаю, для этого нужно родиться. Молодежи нравятся мундиры, нравятся возможности повидать мир. Я тоже таким был во время Великой войны⁵ и вместо мира повидал множество залитых кровью окопов. Лучшим днем моей жизни был тот, когда война закончилась и я смог вернуться сюда.

– И вы жили здесь всю жизнь?

– Да, если не считать того времени, когда был на фронте. Родился тут, как мой отец, дед и множество прадедов. Мы приехали сюда одновременно с семьей графа. Мы – опора Англии. Что еще нужно человеку, кроме хорошей жены, хорошей работы и порядочного хозяина?

«Как чудесно быть всем довольным...»

– Где сейчас работники фермы, Хейзел?

– Встретишь всех за ужином. Каждую пятницу по вечерам мы с леди Элис составляем график работ. Миссис Лав умеет читать и вывешивает на кухне копию. Кстати...

⁵ Имеется в виду Первая мировая война.

Он вопросительно уставился на Грейс.

– Ты поладила с Джесси? Она хорошая женщина, вдова, и ее сын ушел во флот.

Похоже, он немного сомневался в отношении этого вопроса, а Грейс не хотела, чтобы он тревожился, потому ответила:

– Конечно, Хейзел, она готовит потрясающие завтраки.

Судя по всему, его обрадовал ответ.

– Вот и хорошо. Иногда она бывает резкой. Волнуется за своего мальчика. Не помнит, когда в последний раз получала от него письмо.

Грейс кивнула. Она все понимала. Но это напомнило ей, что вечером нужно написать подругам в Дартфорд. Почему она никак не соберется? Что ее удерживает? Подруги наверняка захотят услышать о леди Элис и Хейзеле, о милом старом Гарри и... Джеке.

Грейс вдруг осознала, что почти очарована Джеком. Его образованием, голосом, очарована больше, чем леди Элис или старым Гарри. А ее подруги? Как часто все четверо клялись, что будут вечно верны друг другу, их дружбе?

И все же она находила причину за причиной не сообщать о своей жизни.

– Я стыжусь себя, – выговорила она вслух, когда Хейзел пошел проверить, заперты ли ворота в поле. – Подруги дали мне столько счастья и нечто вроде чувства безопасности, а я отблагодарила их, сбежав из дома, ночью, как воровка. Они вряд ли простят такое...

Глава 3

К обеду Грейс уже одолевал здоровый аппетит. Но она остановилась, чтобы снова оглядеть дом. Значит, эти помещения – огромная кухня и спальни над ней – расположены в самой старой части величественного исторического здания?

Грейс вздрогнула от восторга. Она окружена историей Англии!

Она вымыла руки в глубокой каменной раковине буфетной и вместе с Хейзелом вошла на кухню.

Старик поприветствовал миссис Лав, стоявшую у большой железной плиты и помешивавшую что-то аппетитно пахнущее, и повернулся к мужчинам, которые сидели по обе стороны деревянного стола.

– Это наша трудармейка, Грейс Патерсон. Она не особо опытна, но приехала с прекрасными рекомендациями, и нам повезло ее заполучить. Думаю, можно не просить помочь ей, когда увидите, что она в этом нуждается?

Он показал Грейс на стул справа:

– Садись, а я обойду стол и познакомлю тебя со всеми, кто здесь есть. Сначала Уолтер Грин, главный дояр. Он и за свиньями ухаживает. Дейв Семпл, Исо Янгмен и Морис Фокс, работники фермы. Вряд ли есть что-то, чего они не знают о земле, так что не стесняйся спрашивать. Джек Уильямс и Гарри Макманус. Их ты уже знаешь. Они делают важную работу, и мы рады видеть их здесь...

Неужели Грейс различила суровую ноту в голосе старика, ощутила предупреждение? А если так, кого он пытается предостеречь?

Трое из четверых мужчин, которых она увидела впервые, были немолоды, лет пятидесяти по крайней мере, но на вид, как и Хейзел, казались сильными. Дояр Уолтер Грин, который с застенчивой улыбкой кивнул ей, был помоложе, но выглядел таким здоровым, что трудно было определить его возраст.

Все молчали, пока миссис Лав разносила большие тарелки с густым овощным супом. Посреди стола лежали два круглых карава с поджаристой корочкой, которые Хейзел нарезал на толстые ломти. Грейс восхищенно взидала на тарелку с золотистыми завитками свежего сливочного масла. Кто-то, возможно, миссис Лав, приложил немало усилий, чтобы сделать стол привлекательным.

Она вспомнила свое прибытие на ближайшую станцию, где пришлось отдать половину талона за сэндвич, намазанный маслом. Миссис Лав, однако, забрала ее продуктовые карточки без всяких замечаний.

Грейс с радостью взяла большой ломоть хлеба, когда ей передали тарелку. После супа, который сам по себе мог заменить половину обеда, миссис Лав принесла блюдо с измельченным колбасным фаршем, луком и клецками. Тоже вкусно!

Под конец подали чай и ломтик бисквита, намазанный джемом.

Хорошо, что обед был таким сытным, потому что после него Грейс два часа пропадала поле с побегами кукурузы. Хейзел дал ей короткую мотыгу, называемую тяпкой, объяснил, как ею пользоваться, напомнил, что она должна быть в коровнике в половине четвертого, время дневной дойки, и оставил одну. Она стояла на краю бескрайнего поля и оглядывалась. Во всех направлениях тянулись ряды кукурузы. Она вдруг представила, как затеряется в поле и ее никогда не найдут.

«Нет уж, Грейс Патерсон, ты точно должна найтись к половине четвертого, иначе леди Элис будет тебя искать», – пробубнила она про себя.

Поплевала на руки, как это делал Хейзел, и начала. Правда, иногда боль в спине заставляла ее остановиться и передохнуть. Она завопила от боли, когда попыталась выпрямиться.

Быстрый взгляд на часы подсказал, что ей осталось тридцать пять минут, чтобы найти дорогу в коровник, где ее будут ждать не менее тридцати коров. Она умирала от желания сесть, прижавшись лбом к теплому боку коровы.

– Никогда в жизни так не уставала, – сказала она вслух и даже растерялась, услышав свой голос в мертвенной тишине. Весь день она ничего не слышала, кроме постукивания тютюпки да жужжания пролетающих насекомых.

Грейс оглядела ряд, который пропалывала. И расстроилась, увидев, что едва успела пройти половину. Следует ли вернуться к прополке, когда дойка закончится, или придется снова разносить молоко? Если так, когда же ей полоть?

Дни становились длиннее. Она могла полоть перед чаем и после. Если не считать боли в пояснице, Грейс испытывала одно лишь счастье, вдыхая теплый весенний воздух. Но перед глазами стояло пугающее видение сорняков, растущих быстрее, чем может прополоть одна девушка.

Хейзел рассердится: разве он не сказал, что такая работа не по ней? И что скажет леди Элис?

– Выглядите усталой, Грейс, – вот все, что сказала ее светлость, когда девушка пришла в коровник. – Прополка – штука чертовски утомительная. Но у вас есть преимущество: людям высокого роста приходится намного хуже.

– Да, леди Элис, – не задумываясь ответила Грейс, но женщина уже подошла к своим коровам и принялась за работу.

Весь остаток дня тишину прерывал только звон молочной струйки о дно ведра, шарканье копыт, мерный шум жующих животных и стук наполненных ведер, передвигаемых по каменному полу.

Наконец дойка была закончена.

– Мы перегоним их на восточное поле. Там за ними присмотрит Уолтер. Сколько ты прополола? Ряд хотя бы закончила?

Грейс покраснела от стыда и, к своему удивлению, слышала смех леди Элис.

– Бедняжка Грейс! Я шучу! Тебя сменили двое мужчин. Пойди выпей чая и помоги им до ужина.

«Что она имеет в виду? Они уже пообедали?»

– Чай, Грейс, вечерняя еда, – пояснила леди Элис, правильно истолковав недоумение на лице девушки. – В моей семье приняты завтрак, ланч, обед и между ланчем и обедом – пятичасовой чай. Не волнуйтесь, вы научитесь здесь гораздо большему, чем просто нарезать свинью. Идите, чашка чая подкрепит вас. Кстати, в оловянной пивной кружке на правой стороне каминной доски лежит маленький кусочек шоколада. Угощайтесь.

Шоколад. Когда ей в последний раз доводилось есть шоколад? При одной мысли об этом у нее слюнки потекли!

Грейс поспешила на кухню и обрадовалась, что там никого нет. На плите, как обычно, стояли тяжелый заварник и плюющийся паром чайник побольше с кипящей водой для тех, кто предпочитал напиток послабее.

На каминной доске из резного камня красовалась очень старая пивная кружка. Шутила ли леди Элис или внутри действительно спрятано лакомство?

Она встала на носочки и достала кружку. Подняла крышку, заглянула... внутри лежало что-то, завернутое в бумагу. Грейс нерешительно вытащила это, понюхала... шоколад! Какого ей хочется? «Кэдбериз» с орехами? Молочный или крем-кофе? Или нет, даже лучше: «Дунканс», с лесным орехом?

Развернув бумагу, она нашла два квадратика «Баркерз энд Добсонз» и «Фрут энд нат».

– И что это ты вытворяешь?

Грейс от неожиданности вздрогнула и едва не уронила шоколадку в огонь.

Миссис Лав злобно уставилась на нее, и Грейс на секунду дрогнула. Но стряхнула страх, нагнулась и подняла с пола шоколад.

– Я взяла шоколад ее светлости, чтобы съесть с чаем, но, как выяснилось, ненавижу «фрут энд нат».

Она уронила шоколад в мусорную корзинку, которая стояла под раковиной, и молча вышла из кухни.

Приступ храбрости длился ровно до той минуты, пока она не оказалась во дворе. Ноги дрожали и подгибались.

– Снова я ухитрилась напортачить, – пробормотала она. – Здорово мне удастся раздражать людей. И чем все это кончится на этот раз?

Быстро шагая к кукурузному полю, Грейс едва сдерживала слезы при мысли о том, что она не хочет отсюда уезжать, что ей нравятся Хейзел и леди Элис, хотя она не успела поесть.

Ощущение одиночества еще усилил дождь, и к тому времени, как Грейс добралась до поля, лило так сильно, что она почти ничего не видела. На учебной ферме ей внушали, что плохая погода – не причина для остановки работы, поэтому она пыталась отсчитать ряды, чтобы понять, где начала и где оставила тяпку.

– Она здесь, дорогая.

Из серой пелены показался мужчина постарше. Грейс, отчаянно пытаясь вспомнить, кто это, взяла тяпку и поблагодарила его.

– Исо Янгмен. Легко запомнить. Я самый старый, – улыбнулся мужчина.

Девушка рассмеялась.

– В дождь полоть легче. Не то что когда земля замерзла. Почему бы тебе не закончить этот ряд? Я возьму следующий.

Исо работал так быстро, что вскоре Грейс видела только его смутный силуэт далеко впереди. Она пыталась подражать ему, но промахнулась и обрубилa росток кукурузы.

– Черт!

Она снова попробовала и ударила себя по подбородку. Поморщилась и решила, что с первой попытки не сможет стать мастером прополки. Но к ее удивлению, с работой быстро приходил опыт. Время от времени она ударяла себя тяпкой по ногам, но если и попадала по растению, то удар был скольльзящим, от такого росток наверняка оправится.

Дождь продолжался. Она закончила первый ряд, довольная своими достижениями, и поискала взглядом Исо. Но тот уже успел прополоть несколько рядов.

Грейс промокла до нитки. На ней была шляпа, но волосы выбились и прилипли к щекам. Она сняла перчатки, чтобы тяпка не скользила, и руки так замерзли и вымокли, что начали болеть. Но дождь продолжался. А Исо по-прежнему методично поднимал и опускал тяпку.

– Он старик, – сказала себе Грейс. – Должно быть, ему лет шестьдесят, но взгляните на него! Промок еще сильнее, чем я, и ни одной жалобы! Сколько всего успел сделать, а я только на второй ряд перешла.

Она вытерла рукой мокрое лицо – платок хоть выжимай – и сжала тяпку.

– Все, Грейс, кончаем работу. Пора выпить чашечку горячего чая, – объявил Исо, шагая навстречу ей.

– Не могу, я только начала.

– Ты промокла насквозь, девочка, и если заболеешь, какая от тебя будет польза? Джесси уже согрела воды для ванн. Пора и ужинать. Пойдем.

Видя, что Грейс колеблется, Исо схватил ее за руку и потащил за собой.

– Подумай головой. В поместье нет ни одного человека, от его светлости до меня, который ожидал бы от тебя работы в такую погоду. Мы хорошо потрудились, а ты еще и доила. Беги! Сорняки и все их родственники будут здесь и завтра.

Они бежали, почти утопая в грязи, цеплявшейся за ботинки, и, когда добрались до кухонной двери, выглядели так, словно принимали грязевые ванны. Миссис Лав встретила их и, к всеобщему удивлению, принялась журить Исо:

– Поскорее иди к камину, обсохни, старый ты дурень! Всегда последним кончаешь работу. А ты, Грейс, отправляйся наверх, прими ванну, а я поставлю чайник на огонь.

Девушка повернулась, чтобы уйти, но миссис Лав остановила ее. И долго колебалась, прежде чем неловко пробормотать:

– Я говорила с леди Элис насчет шоколада. Извини, иногда я слишком несдержанна на язык. Обещаю в будущем за ним следить.

– Все в порядке.

Перед Грейс никогда раньше не извинялись, и она слегка смутилась, не зная, что сказать.

И смутилась еще больше, когда нашла на кровати популярный журнал «Вуменс оун», а на подушке – плитку шоколада «Кэдбериз» с орехами. Грейс взяла шоколадку и понюхала. Чудесно. Должно быть, от миссис Лав с предложением мира. Но она настаивает, чтобы та взяла половину.

Все еще не раздеваясь, она пролистала журнал: рассказы, схемы вязания, полезные советы. Она прочитает их после ужина.

Грейс схватила полотенце, сухую одежду и поспешила в ванную. Кажется, кроме нее, никто ею не пользовался. Она одна жила в этой части дома. Но это изменится, когда придут другие трудармейки.

Объявление над огромной ванной на массивных львиных лапах предупреждало, что пользоваться горячей водой можно только при настоятельной необходимости. Грейс, уже начавшая оттаивать, подумала, что для этой ванны потребуется так много воды, что это будет верхом роскоши. Поэтому придется налить как можно меньше. А если вода понадобится леди Элис?

Грейс со вздохом отбросила гедонистические мечты, в которых вода доходила ей до носа, и открыла кран. Но ванна была так огромна и глубока, что даже через несколько минут вода едва покрыла дно.

Грейс разделась и села в ванну, рассматривая синяки на ногах.

«Как будут выглядеть к воскресенью мои несчастные ноги?»

Сидеть в горячей воде было восхитительно, но плечи замерзли. Она еще раз открыла воду: величайшая роскошь, – легла и обнаружила, что на этот раз уровень воды значительно поднялся. Она долго лежала, пока вода не остыла, потом села и стала скрести лицо и тело тряпочкой, намыленной крошечным квадратиком карболового мыла, который нашла в мыльнице.

Запах напомнил ей о чем-то. Она вздрогнула.

«Ванна где-то в другом месте, и мне она не нравится – из-за мыла?»

Грейс положила обмылок обратно в мыльницу, тянувшуюся поперек ванны, и встала. Вытираясь, она думала о своем детстве, которого как следует не помнила, но о котором намеревалась узнать как можно больше. Она спросит Меган.

Черт! Она снова говорит об этом вслух? Меган не отослано ни единого письма. Впрочем, ей наверняка совершенно все равно, так что сначала она напишет друзьям.

Девушка оделась, но не в униформу, поскольку с работой на сегодня покончено.

Платье с короткими рукавами в бело-зеленую полоску было куплено перед отъездом из Дартфорда. В тренировочном центре она считала его идеальным, подходящим на любой

случай: красивый бант из той же ткани на шее можно снять, оставив небольшой овал обнаженной кожи.

Довольно вызывающе, решила она в то время. Однако сейчас не сняла бант, поскольку чай вряд ли можно считать важным мероприятием.

Она ожидала увидеть всех работников фермы, но на кухне были только Исо, Гарри и Джек, который при виде девушки встал.

Какой сюрприз! Она видела, как мужчины встают, когда в комнату входит женщина, но никто не делал этого ради Грейс Патерсон. Она замерла от восхищения и, садясь, улыбнулась ему.

– Хорошо выкупалась? – спросила миссис Лав и, поставив перед Грейс тарелку с двумя большими печеными картофелинами и горой тертого сыра, нервно улыбнулась.

Грейс поняла, как важно то, что она скажет и сделает сейчас. Возможно, ее попросят остаться на этой ферме до конца войны. И жизнь может стать неприятной, если она не поладит с кухаркой.

– Идеально, миссис Лав, лучшей ванны не видела в своей жизни! И *друг*, – она подчеркнула это слово и поколебалась, прежде чем продолжить, – друг оставил мне плитку шоколада.

Она посмотрела на терпеливо ожидавших голодных мужчин.

– Плитка достаточно велика, чтобы каждому достался квадратик.

Миссис Лав снова улыбнулась и хотела что-то сказать, но вмешался Гарри:

– По-моему, я видел велосипед почтальона. Значит, у тебя появился воздыхатель, юная Грейс. По-моему, он хотел бы, чтобы ты все съела сама и при этом думала о нем, кладя в рот каждый восхитительный кусочек. Молодой Джек читал вчера что-то насчет введения норм на сладости. Вроде ты говорил об этом? – закончил он, повернувшись к Джеку.

Но тот не ответил. Зато заговорил Исо.

– Никакого шоколада до чая. Джесси, ты, случайно, не вынимала оленью колбасу? Такое угощение нам было бы очень полезно, по крайней мере, так всегда говорила моя покойная жена. А дичь из Шотландии... Никогда раньше не ел что-то подобное? – спросил он Джека, но продолжил, не ожидая ответа: – У его светлости есть замок в Шотландии. Там олень и добыт.

Миссис Лав заканчивала ставить тарелки перед мужчинами. Она и в обед это делала. И не ела вместе с ними, а оставалась у плиты, подбрасывала уголь в огонь и возилась с огромным почерневшим чайником, стоявшим на конфорке.

– Завтра подам оленью колбасу. И да, Исо, ее привез друг его светлости. Целую коробку. Прошлогодняя добыча, конечно, но так даже лучше. Олени целый год щипали траву. Зимой они, как коровы и овцы, нуждаются в помощи фермеров.

Возможно, короткая лекция об уходе за животными была чересчур обременительна для голодных работников, потому что с этой минуты тишину нарушали только скрип ножа о тарелку или случайное покашливание.

Миссис Лав повернулась к Грейс и Джеку:

– Не правда ли странно, что мы держим мясо в морозилке, а большая часть огромного поместья все еще не имеет электричества и не пользуется достижениями «Нэшнл Грид»?⁶ У нас есть несколько устаревших генераторов, и, поверьте, графу не терпится от них избавиться. Он предложил принять в дом беженцев. Он и леди Элис, разумеется, знают, сколько комнат в этом великолепном старом доме пустует. Перемещенные лица из Европы найдут здесь приют, а если будут морозилки и холодильники, мы сможем сытно их кормить.

– Остальные не едят с нами, миссис Лав?

⁶ Частная электроэнергетическая компания.

Голос Грейс прозвучал неестественно громко в огромной комнате и прервал рассуждения экономки.

– Остальные идут по домам. Исо обедает здесь, но сам варит овсянку по утрам, верно, дорогой?

– Я и ужин могу сготовить, не так вкусно, как у тебя, но сумею состряпать неплохую ячменную похлебку.

Снова молчание.

Наконец, когда атмосфера стала угнетающей, заговорил Гарри:

– Видел тебя сегодня на кукурузном поле, Грейс. Прополка – работа без конца и без края.

– Как и очистка канав, – улыбнулась она в ответ.

– Мне это нравится больше, чем автобусы. Хороший свежий воздух, нет недовольных пассажиров, и молодой Джек любит все объяснять: нет того, чего бы он не знал.

Джек явно смутился.

– Ничего не знаю об автобусах.

– Ты можешь водить машину? – спросила Грейс, вспомнив утренний разговор с леди Элис. Парень опять словно сжался, а девушка подумала: «Неужели можно стесняться очевидных преимуществ?»

– Прости, Джек, не хотела совать нос в твои дела. Просто леди Элис нужна помощь, чтобы развозить молоко, – в итоге попыталась оправдаться она.

– Если все поели, поставьте тарелки на край стола. Чай готов, и у меня есть коробка печенья «Джейкобс 1940», ассорти. Еще не открытая. По два печенья каждому.

Вопрос об умении Джека водить машину остался открытым. Грейс допила чай и вынула из жестянки одно печенье. Миссис Лав оказалась права. Несмотря на то что лакомство некоторое время пролежало в коробке, оно все еще оставалось хрустящим.

Исо выпил две чашки и быстро сгрыз свою норму печенья, после чего встал и вытер рот рукой.

– Я домой. Увидимся завтра. Прополка кукурузы, Джесси?

Миссис Лав кивнула и, встав, проводила его до двери.

Грейс тоже поднялась, пожелала доброй ночи мужчинам, которые все еще пили чай. Мытья посуды от нее не ждали, поэтому она решила идти к себе, написать два письма и поскорее лечь.

– Я положила «свинью» в твою кровать, Грейс, – заметила миссис Лав.

Грейс недоуменно нахмурилась, но тут же сообразила и засмеялась.

– Спасибо, миссис Лав. Сейчас не очень холодно, но вы так добры!

– Не хотим же мы, чтобы ты простудилась в первый же день, – заявила кухарка, исчезая в буфетной.

Грейс поспешила наверх и пробежала по крытому линолеумом коридору, туда, где начиналась дорожка, граница между помещениями для слуг и хозяйскими покоем. Это означало, что она, Грейс Патерсон, трудармейка, живет в комнатах для господ. Изменится ли это, когда приедут другие работники?

Открывая незапертую дверь своей комнаты, она лениво гадала, где ночуют Джек и Гарри, но тут же выбросила глупые мысли из головы. И прежде всего поискала «свинью». Вот она, бугрится под одеялом. Миссис Лав воистину женщина контрастов: святая доброта в одну минуту и ворчливая придира – в другую.

Грейс отыскала «свинью»: большую глиняную бутылку с горячей водой, при помощи которой греют простыни или ноги.

«Меган не пользовалась «свиньями» и уж точно не делала этого ради меня. Я вообще не помню таких в доме».

И снова ее одолело раздражающее ощущение чего-то упущенного. Она никак не могла вспомнить, чего именно...

Кто клал ей «свинью» в постель?

Немного помучившись, Грейс наскоро разделась, вынула набор для письма, купленный на станции, после чего легла в постель. Да, она правильно поступила, купив бумагу «Бэзилдон Бонд» и конверты. Написала новый адрес и дату и стала думать, о чем писать. Она может рассмешить миссис Петри, рассказав о «свинье» в постели.

– Представьте, – почти слышала Грейс голос миссис Петри, – там, где сейчас Грейс, так холодно, что приходится класть в постель бутылку с горячей водой!

Наконец Грейс приготовилась, и слова потекли на прекрасную голубую бумагу:

Дорогая миссис Петри!

Мне так жаль, что я не рассказала вам, что вступила в женскую Земледельческую армию. Я хотела больше сделать для фронта, а не только заниматься бумажной работой. Но было неправильно не сказать вам и миссис Бруэр, которая тоже была добра ко мне, об этом. Почему Земледельческая армия? Сама не могу сказать, но чувствую, что это место как раз для меня. Меган никогда не рассказывала о нашей семье, но иногда мне кажется, что я помню поле и ощущение счастья. Глупо, полагаю. Как видите, теперь я в Бедфордшире. Меня послали на учебную ферму в Кенте, не так уж далеко от вас...

Она задумалась, гадая, стоит ли рассказывать о миссис Райленд и бедной Олив, но решила не писать о случившемся на учебной ферме.

Четырехнедельный курс окончен, и вот я здесь, единственная трудармейка на ферме. Скоро приедут другие. Но тут есть и настоящие работники, и двое других мужчин. Кухарка – миссис Лав, и с нами трудится леди Элис, отец которой владеет поместьем. Не поверите, она помогает мне доить коров! И еще она водит грузовик с молоком, и даже Салли позавидует ее прекрасному маникюру. Пожалуйста, скажите Дейзи и Роуз, где я нахожусь. Надеюсь, обе здоровы, и мальчики тоже. Теперь я заканчиваю, чтобы написать миссис Бруэр. Спасибо за все.

Она подписалась и положила письмо в конверт, словно боясь, что вообще никогда не отошлет его.

Письмо миссис Бруэр было почти точной копией первого. Его она тоже быстро положила в конверт и заклеила. Утром надо будет позаботиться о марках.

Чувствуя себя так, словно с плеч свалилась огромная тяжесть, Грейс выключила маленькую керосиновую лампу на тумбочке, очевидно принесенную кем-то днем, легла и тут же заснула.

Глава 4

Грейс разбудил громкий звон. Она не сразу сообразила, где находится. Откинула одеяла и встала. При взгляде на будильник стало ясно, что лучше поспешить, или «поворачиваться», как говорил мистер Петри.

Она засобиравалась и менее чем через пятнадцать минут уже сбежала в кухню, надеясь на чашку горячего чая. Миссис Лав не было видно, но из буфетной появился Джек Уильямс.

– Чай готов, и я сегодня еду вместе с тобой, развозить молоко. Нужно изучить маршрут.

– Значит, ты все ж таки водишь машину.

– Значит, все-таки вожу. Правда, нечасто.

Она раздраженно отвернулась. Теперь он будет поправлять ее грамматику? Чванливый болван!

– Я рассердил тебя, сам того не желая. Мой отец – преподаватель английского. И моя сестра тоже. Да и я одно время пытался обучать других. А у тебя не такая семья?

– Нет, – коротко ответила она, пытаясь протиснуться мимо.

– Мисс Патерсон, примите мои извинения и позвольте налить вам чая.

Грейс повернулась к плите.

– Спасибо, я сама.

– Вряд ли это удастся. Прости, Грейс, я только сейчас заварил чай, и чайник очень тяжелый даже для меня.

Она кивнула и пробормотала слова благодарности. Джек принес к столу тяжелый заварной чайник и наполнил две чашки.

– Сегодня ожидается прекрасный весенний день. Гарри уверен, что через несколько дней зацветут яблони.

– Коровы никого не ждут, – объявила вошедшая миссис Лав. – Слышала, Грейс, юный доктор сегодня развозит с тобой молоко. Ее светлость заедет за ним, а пока, надеюсь, он прочистит ту канаву, или весь боковой газон затопит.

Джек залпом выпил чай и поставил чашку.

– Спасибо, – сказал он миссис Лав, хотя сам заварил и разливал чай.

– Позже вернусь, – бросил он Грейс и ушел.

– Мой Том хочет учиться водить.

– Уверена, что он обязательно научится.

– Зато у этого труса все шансы есть, верно?

Грейс не хотела быть замешанной в скандал. Кроме того, что она знала о других отказах или Джеке Уильямсе, у которого есть сестра и чей отец преподает английский?

– Я не считаю сознательных отказников трусами, миссис Лав.

– Тогда почему он не в армии, как мой Том?

– Они не хотят убивать людей, – пыталась объяснить все девушка.

– Мой Том тоже не хочет, если не считать немцев, конечно. Их он мечтает прикончить всех до одного.

Грейс похолодела. И поспешно поставила чашку.

– Господи, – ахнула она, словно только сейчас вспомнив о времени, – мне давно пора в коровник. Простите, миссис Лав, нужно бежать!

Она радовалась прохладному весеннему воздуху и бежала всю дорогу до коровника, проскочив в дверь как раз за Уолтером Грином.

– Черт, женщина, не пугай моих коров!

– Простите.

– Вымой руки. И протри коровам вымя.

Грейс поспешила выполнить приказ. Снова карболовое мыло. Когда кончится война, она будет покупать только лучшее душистое мыло.

Леди Элис не пришла, и, подоив трех коров, Грейс начала волноваться, что ей придется возиться со всеми одной.

«Если так, я никогда не смогу доставить молоко вовремя...»

Но тут она увидела, как Уолтер доит коров, начиная с другого конца ряда. Она расслабилась, и, похоже, коровы сделали то же самое. Даже самые капризные не причиняли ей никаких неприятностей, а терпеливо стояли, пока она дергала за соски, и не пытались лягнуть Грейс или ведро.

– Мы отгоним их на луг с лютиками и тогда сможем позавтракать.

Луг с цветущими лютиками... звучит чудесно, и Грейс не терпелось его увидеть.

Она шла рядом с Уолтером, помогая ему гнать медлительных коров.

Наконец они оказались на огромном поле, где росло несколько деревьев-великанов. Густые, усеянные бутонами кусты отделяли луг с лютиками от соседнего луга, но, к разочарованию Грейс, здесь не нашлось ни единого золотистого пятнышка.

– Ты не слишком много знаешь о деревне, – покачал головой Уолтер, объясняя ей цикл жизни полевых цветов. – В будущем году ты к этому времени будешь сама удивляться, сколько всего успела узнать.

– Надеюсь, – вздохнула Грейс, когда они подошли к дому.

На кухне уже сидели все, кроме Исо, впрочем, нет. Присмотревшись, Грейс увидела, что Джек тоже отсутствует. «Интересно, где он? Будем надеяться, что он успел позавтракать!» – пронеслось у нее в голове.

Но тут она напонила себе, что это совершенно не ее дело, и уселась между Уолтером и Гарри. Миссис Лав принесла большую железную кастрюлю и поставила на тяжелый медный треножник. Подняла крышку, под которой обнаружилась густая овсянка со сливками, такая горячая, что на поверхности еще лопались крошечные пузырьки.

– Овсянка со сливками. Поможет вам продержаться до ужина.

Грейс помешала в кастрюле овсянку, наблюдая как на поверхность поднимаются крошечные пузырьки. Она слышала, как наверху ходит Меган.

– Ну же, ну же, – потирали она содержимое кастрюли, поскольку горячая дымящаяся овсянка должна была появиться на столе в ту минуту, когда Меган спустится к завтраку.

Чайник! Успела ли она налить кипящую воду? Около заварника лежала чайная ложка душистых чайных листьев, Меган любила крепкий чай, запас которого никогда не истощался в доме. Нужно отдать должное Меган, она никогда не запрещала сестре вволю пить чай.

Грейс уже не в первый раз лениво задавалась вопросом, почему сводная сестра вообще приютила ее...

– Ты в порядке, Грейс? У тебя странный вид.

Миссис Лав стояла с глубокой белой миской овсянки в руках, ожидая, чтобы Грейс взяла ее. Но та была как в тумане.

– Разве я не сказала тебе вчера...

Мисс Лав не закончила фразу, потому что вошел Джек и, видя суматоху, уселся рядом с Грейс, взял ее запястье тонкими загорелыми пальцами и стал смотреть на часы.

Девушка вздрогнула и вспыхнула до корней волос. Попыталась отнять руку, но парень сжал пальцы так, что она поморщилась.

– Я считаю твой пульс, Грейс. Все в порядке. – И, повернувшись к миссис Лав, добавил: – Возможно, ей просто нужно поесть.

Он молча отошел и сел рядом с Гарри. Миссис Лав продолжала раздавать овсянку.

– С ней что-то стряслось, – рассерженно объявила она и практически швырнула миску Джеку.

– Сегодня я буду развозить молоко и пригляжу за ней. Не о чем беспокоиться.

Грейс едва сдерживала слезы. Она понятия не имела, что случилось, разве что вспомнила нечто такое, что уже уплыло из памяти. Что-то насчет овсянки... но что именно?

Она чувствовала себя донельзя глупо и ужасно смутилась, потому что остальные смотрели на нее сочувственно. Но под ее взглядом быстро вернулись к своим мискам, и тишину нарушали только звяканье ложек и звук льющейся жидкости.

Грейс поела первая.

– Нужно сказать ее светлости, что тебе плохо. Пусть она возьмет с собой его...

Миссис Лав подбородком указала на Джека.

– И тогда они обойдутся без тебя сегодня утром.

Грейс пыталась улыбнуться:

– Да все нормально, миссис Лав. Мне так жаль, что потревожила всех.

Она взяла пальто леди Элис и направилась к коровнику. Но на полдороге ее догнал Джек:

– Тебе лучше?

– Да, спасибо.

– Вот и хорошо. Леди Элис меня пугает.

Грейс от неожиданности остановилась.

– Почему? Она работает так же тяжело, как все мы, и одолжила мне это пальто.

– Возможно, поэтому я умираю от ужаса. Она в прах разносит все мои предубеждения о господах.

Подходя к грузовику, Грейс рассмеялась.

– Не понимаю, о чем ты.

– У тебя хороший смех, – похвалил Джек, и девушка снова покраснела, но на этот раз очень мило.

– Ведите машину, Джек, а я буду указывать направление. Боюсь, вам, Грейс, придется втиснуться позади.

Грейс, которая боялась, что ей прикажут сидеть среди тяжелых молочных бидонов, была счастлива втиснуться позади леди Элис и Джека. В этом тесном пространстве на нее ничего не упадет.

Тревога, что парень расскажет о ее странном поведении за столом, оказалась беспочвенной. По пути в деревню леди Элис сообщила, что завтра они будут собирать деньги за молоко.

– Все очень просто: четыре с половиной пенса за пинту, умножить на количество пинт, два пенса фартинг – за полпинты. Большинство жителей деревни кладут деньги рядом с кувшинами. Обычно они не обманывают, но проверять нужно.

Грейс впервые обрадовалась, что столько времени проводила за бумажной работой. Она могла вычитать, складывать, умножать и делить не хуже опытных бухгалтеров.

– Какие-то затруднения со счетом, Грейс?

– Нет, леди Элис.

– Четыре пенса с половиной умножить на десять?

– Три шиллинга девять пенсов.

– Браво. Я не буду оскорблять вас, попросив разделить фартинги.

– Я всегда любила арифметику. Наша учительница была настоящим драконом и каждое утро пятницы писала по кругу цифры на доске, а потом выкрикивала вопросы, так что

заранее мы никак не могли подготовить ответы. Некоторые были ужасно тупы, но все научились считать.

– Интересно...

Тон, которым было произнесено единственное слово, вызвал в Грейс желание свернуться клубочком и исчезнуть. Но вместо этого закрыла глаза, прекрасно понимая, что если они обернутся, то увидят ее, пусть даже она сама не захочет на них смотреть. И дала себе ребяческую клятву никогда больше не говорить с леди Элис.

Единственными звуками в грузовике были весьма подозрительный шум мотора и резкое звяканье, когда бидоны сталкивались друг с другом. Грузовик остановился. Грейс и Джек вышли и собрались выгружать бидоны. Для такого худого парня Джек был на удивление силен. Как правило, для того чтобы снять бидон, требовалось два человека. И хотя Джек попросил у девушки помощи с самым большим, тот, что поменьше, легко снял сам.

– По какой стороне пойдешь, Грейс?

Она пожала плечами, наполнила кувшин и быстро направилась к первому дому.

Джек дожидался ее.

– Ты в порядке, Грейс? Я сам могу разнести молоко, если тебе нехорошо.

Девушка преисполнилась решимости взять себя в руки.

– Я в порядке, Джек. Просто глупо себя чувствую.

Она заглянула в кувшин – проверить, достаточно ли в нем молока, и пошла к следующему дому. А когда вышла, Джек стоял у грузовика, а леди Элис в кабине читала какую-то бумагу.

– Позволь мне наполнить кувшин.

Джек шагнул вперед, чтобы взять у Грейс кувшин, но та отдернула руку, и кувшин упал, разлетевшись на осколки.

– Проклятье! – завопила Грейс так громко, что леди Элис открыла дверь и выглянула.

– Это всего лишь старый кувшин, Грейс. Осторожно соберите осколки, только не порежься! И возьмите другой. В кузове должны лежать несколько.

– Да, леди Элис.

Грейс нагнулась, собрала осколки и сложила в небольшую горку около кузова.

– Подметите маленькие осколки: здесь ребятишки бегают босыми.

– Да, леди Элис.

Грейс нашла в грузовике метлу и лопату и сделала, как было велено. Потом взяла кувшин побольше и наполнила молоком.

– Да, леди Элис, да, леди Элис, – бормотала она себе под нос. – Черт возьми. Я не собираюсь больше с ней говорить.

Правда, она немедленно поняла, как глупо ее поведение, и почувствовала себя настоящей душой, когда услышала еле сдерживаемый смех Джека. Она быстро разнесла молоко и вернулась к грузовику, чтобы наполнить кувшин. Отдала деньги за молоко, заплаченные покупателями.

– Один шиллинг три пенса и полпенни от мисс Шилд. У нее не хватило фартинга...

– Но она заплатит на следующей неделе, – закончила леди Элис. – Если бы у меня скопились все фартинги, которые украла у моей семьи эта очаровательная старушка, я бы проводила зиму на Багамах. После войны, конечно.

Грейс закончила разносить молоко, и Джек повел машину обратно в поместье. Леди Элис сидела на месте пассажира. Грейс снова втиснулась назад.

– Вам ужасно неудобно? – спросила леди Элис, и не дожидаясь ответа, продолжила: – Хорошо, что ты не слишком высока. В школе у меня была лучшая подруга, ростом выше моего отца, бедняжка. Она бы никогда в этой машине не поместилась.

Слова «у меня в школе тоже была высокая подруга» едва не слетели с языка Грейс, и она возгордилась собой, потому что сумела их проглотить. Леди Элис не интересуют все Роуз Петри этого мира.

– Боюсь, вам придется снова чистить канавы, Джек, – вздохнула леди Элис, когда они подъехали к дому. – Но так чудесно иметь в доме еще одного водителя! Если будете развозить молоко по понедельникам и субботам и иногда в те дни, когда мне нужно быть одновременно в двух местах, я беру на себя другие дни. Разумно?

– Абсолютно, миледи.

Леди Элис легко прыгнула вниз и пошла к дверям, но тут же повернулась:

– Ничего плохого, если будете учить и Грейс. Только постарайтесь, чтобы она ни во что не врезалась.

Грейс и Джек смотрели вслед леди Элис, пока дверь за ней не закрылась.

– Она это не всерьез...

– Конечно, всерьез, – кивнул Джек. – Если тебе от этого будет лучше, думай, что член высшего класса поручила тебе новое задание. Если сумеешь водить машину, ей не придется нанимать другого водителя.

Он глянул ей в лицо.

– Ты сплошной клубок сомнений, хорошенькая малышка Грейс. Она порядочная женщина. Посмотри только, как обращается со мной и Гарри.

– Только сегодня утром ты сказал, что она тебя пугает, – напомнила ему Грейс и почти обрадовалась, увидев, как он смутился. – Кроме того, – продолжала она, – ты скоро будешь доктором и уже умеешь водить машину. Зачем еще и меня учить...

– Да, и она гадает, почему я не вожу санитарные фургоны на фронте вместо того, чтобы копать канавы в Берфордшире. Пойдем. Нужно помыть бидоны, прежде чем приниматься за другую работу.

Не дожидаясь ответа, Джек завел грузовик и поехал к коровнику. Там они разгрузили бидоны, ставшие куда легче, и отнесли в молочную комнату, где Уолтер стал помогать им мыть бидоны.

– Может, лучше научишь водить Уолтера? – подшутила Грейс.

Как она и ожидала, Уолтер перепугался.

– Не, только не меня. Я лошади. Всегда был и всегда буду.

Он рассказал, как много лет развозил молоко на запряженной лошастью тележке.

– А лошадь еще давала нам и добрый навоз. Может это сравниться с твоим мотором, Джек?

– Лошади всегда выигрывают, Уолтер.

Джек и Грейс в хорошем настроении ушли из молочной. Грейс все еще думала о том, что он назвал ее хорошенькой малышкой.

«Я не малышка, – думала она, – и миссис Петри всегда говорила, что я хорошенькая, хоть и слишком худа, но мне не нравится то, что сказал Джек о «клубке сомнений». Разве я сомневаюсь в людях? Разве я не готова думать о них самое лучшее? Но ведь так оно и есть. А потом оказывается, что я снова ошиблась».

Честность требовала, чтобы она добавила: «но не постоянно».

– Джек, почему леди Элис удивляется, что ты не водишь санитарные машины на фронте? Прости, что спрашиваю.

– Конечно, ты можешь спрашивать о чем угодно. Задавать вопросы – лучший способ учиться. Но я просто не могу заставить себя поверить, что вправе отнимать жизнь у другого человека. Я не сумею выстрелить в человеческое существо.

– Даже в немца?

– Даже в немца. Грейс, думаю, что можно найти десятки немцев, которые не хотят участвовать в войне, не хотят стрелять и бомбить города. Среди них тоже должны быть отказники. Может, их правительство говорит: да, вы не хотите убивать, но должен же кто-то водить санитарные машины...

Грейс была не уверена, что все поняла. Но все же кивнула:

– А если наше правительство спросит, хочешь ли ты водить санитарные машины?

– Если бы они попросили, я был бы счастлив. Я не хочу умирать, и можно сказать, что боялся бы. Но выполнял бы свой долг.

К удивлению Грейс, Джек покраснел так густо, как раньше она. Странное чувство охватило ее. Даже ее обожаемый Сэм не вызывал в ней таких эмоций.

«Да что это со мной творится?»

– Если тебе в самом деле интересно, могу объяснить свои поступки и ощущения. Все очень просто. Видишь ли, в Библии сказано: «Не убий». Так что воевать аморально. Должен быть лучший способ разрешать трудности. И кроме того, не могу припомнить времени, когда не хотел быть доктором. Сам не знаю почему. Доктора сохраняют жизнь людям. Спасают их. Как можно ожидать, что я буду делать прямо противоположное? Не имеет смысла. Войны следует запретить.

Грейс остро ощущала, что почти не имеет образования и опыта в сравнении с Джеком. Очевидно, он знал больше и владел языком лучше, чем она, и мог цитировать поэтов и политиков. Но ее беспокоила заповедь «не убий». Если Господь сказал это, подразумевал ли он, что плохо убивать вообще или плохо идти на войну и убивать врага?

Она вспомнила газетную статью о своей подруге Дейзи, которая видела, как немецкий пилот намеренно обстреливал из пулемета на бреющем полете женщину и ребенка, имевших несчастье оказаться на Дартфордской пустоши. Можно это считать военными действиями или убийством?

О, она не должна об этом думать, тем более что видела газету уже позже ужасного события и даже тогда не написала Дейзи.

Джек как-то странно на нее поглядывал.

– Грейс, тебе будет легче, если я скажу, что с радостью пошел бы на войну, помогать врачам, насколько мне позволяют мои знания? Но надевать дурацкий мундир и стрелять в людей... я на такое не способен.

Грейс охватила невыразимая грусть. Она так верила тому, что он говорил. Оказывается, он готов к грубому обращению, презрению и насмешкам.

– Джек, откуда ты знаешь, что это правда, что «не убий» сорвалось с уст Господа? Что Он говорил с каким-то человеком и употреблял именно эти слова?

Джек долго, сожалеюще смотрел на нее.

– Бедная дорогая Грейс! Так написано в Библии, а священная книга – это Слово Господне.

– Кто так сказал? Господь ведь не писал ее сам, верно?

– Нет.

Даже по единственному слову было ясно, как парень раздражен, как зол на нее и на глупый спор. Но для нее эти великие моральные вопросы были просты. Грейс редко ходила в церковь, чему немало способствовала Меган. Она даже запрещала ей посещать службы. Только когда Грейс окончила школу и стала работать в заводской конторе, ей удалось вместе с подругами посетить рождественскую службу. Для нее это стало праздником, но она грустно гадала, что больше привлекает ее: музыка, свечи, огни и ризы священников или сама религия.

Грейс была практична по натуре. Слова учителя «История пишется теми, кто победил в битве. Не побежденными» глубоко на нее повлияли. Возможно, победители не говорят всей

правды и, возможно, человек или люди, какими бы святыми они ни были, излагая речения Господни, не пересказывали их слово в слово, а перевирали.

– Боже, бедный Уолтер в одиночку моет бидоны. Нам лучше поторопиться, – закончила она.

Глава 5

Конец мая 1940 г.

Грейс никогда не видела ничего более чудесного, чем весна на ферме. Красота, которая предстала ее глазам, поражала девушку. Крошечные почки на веточках распустились за одну ночь, сияя разными оттенками зеленого, крупные цветочные бутоны раскрывались, и от этого зрелища хотелось плакать. Островки примул уступили место нарциссам, гиацинтам и прелестным полевым цветочкам, названий которых она не знала. Деревья и кусты живой изгороди, отгораживавшие поля, тоже расцвели.

– Видела кусты? – спросил Хейзел. – Они здесь уже больше ста лет. Смотри, знаешь, что это такое?

Он показал на тонкую ветку.

– Нет, – ответила она.

– Лещина это, а вон то?

– Остролист. А что это, колючее и с цветами?

– Ах, да май это. Боярышник, – пояснил он, видя ее удивленное лицо. – И не спрашивай, почему он называется так. Исо, возможно, знает, да и его жена тоже, особенно насчет цветов, но мы давно называем его майским цветом.

– Наверное, потому, что он распускается в мае, – заметил Джек, когда они снова ехали развозить молоко. – Кстати, леди Элис сказала, что в соседней деревне в субботу будут танцы. И если кто-то хочет ехать, можно взять молочный грузовик.

В воздухе тяжело повисло ожидание.

– И? – спросил он. – Кто-то хочет?

«Это он ее приглашает? И что сказать, если так и есть? Что ни говори, а не считая леди Элис, они самые молодые в поместье. Да и леди Элис лет на десять старше. Интересно, а почему она не замужем? Она очень красива, не слишком стара и единственная дочь графа. Может, тоже, как Грейс, любила безответно?»

Грейс постаралась взять себя в руки.

«Начинаешь разыгрывать сцены, как Салли», – выругала она себя.

– Где леди Элис обедает?

Куда более приличный вопрос, чем «у леди Элис есть шикарный бойфренд?».

Раз или два в неделю она вместе с работниками пила чай, но никогда не обедала.

– Что это имеет общего с твоим желанием или нежеланием ехать на танцы?

– Конечно, я бы хотела сходить на танцы, но это означает, что тебе придется вести машину.

– Ну разумеется, придется. Ради бога, женщина, ты когда-нибудь ходила на свидания?

Грейс сначала подумала о жалком домишке в Дартфорде, а потом о подругах.

– Мы все вместе ходили в церковный клуб и в кино. Отец моей подружки Салли иногда тайком проводил нас туда.

– Возможно, ко времени первого танца, если таковой заиграют, ты уже сможешь водить машину, Грейс. А летом нам, наверное, удастся раздобыть велосипеды, но пока что, мисс Патерсон, окажите честь сопровождать меня и всякого, кто захочет поехать, на танцы в деревенском клубе.

Грейс жаждала принять приглашение. Впервые в жизни мужчина, в которого она... которым она интересуется, приглашал ее на настоящее свидание.

Но она колебалась, хотя мечтала согласиться.

Грейс улыбнулась. Это определенно настоящее свидание, но что он скажет, если она признается в своих симпатиях? Какой стыд будет, когда он обнаружит, что она двух слов связать не может!

– Никто не говорил, какие у тебя прекрасные глаза?

Прекрасные глаза? Нет, никто, но она знала, что у нее симпатичные глаза.

– Леди Элис, – повторила она, поскольку понятия не имела, что ответить, – она никогда не ест с нами.

– Вам полагается сказать: «нет, Джек. Ты первый. Или: «Всякий благоразумный мужчина в Кенте, Джек». Моя дорогая мисс Патерсон, вам придется учиться принимать комплименты. Но не волнуйтесь, у вас впереди годы. Разумеется, леди Элис обедает. Или вы считаете, что аристократы не едят? В главной части дома есть еще одна кухня. Именно там я был в тот день, когда леди Элис спрашивала меня, умею ли я водить. Пока я ждал, экономка дала мне кофе.

Грейс слушала, раскрыв рот. Она часто гадала, как течет жизнь в этом прекрасном доме. Здесь есть экономка. Она не совсем представляла, какие поручения выполняет экономка, помимо того что приглядывает за домом. Наверное, она что-то вроде домохозяйки.

– Я думала, что миссис Лав – экономка.

– Она наводит порядок в этом крыле. По-моему, в доме всего трое слуг: экономка и две горничные. Большая часть дома законсервирована до лучших времен.

Чрезмерно развитое воображение Грейс неожиданно выдало картинку прелестного старого здания, полностью покрытого шариками нафталина. Она едва сдержала смех. Но воспоминание о словах «моя дорогая мисс Патерсон» не вызвало смеха. Она хотела прижать их к себе.

– Ты сегодня чистишь канавы, Джек?

– Подрезаю кусты, – вздохнул он. – Я восхищаюсь людьми вроде Хейзела и Мориса, они знают о фермах все на свете. Я же могу заниматься работой, требующей только грубой силы, и хотя напряжение невыносимо, есть и хорошие стороны... Правда, иногда я чувствую себя невыразимо глупым. Они никогда не теряют терпения, если я чего-то не понимаю, но, бьюсь об заклад, умирают от смеха в пабе, вспоминая мои промахи.

– Они не станут злорадствовать, Джек, и, кроме того, ты можешь спасти жизни, а они – нет.

– Я успел окончить половину третьего курса, поэтому вполне могу попытаться. Но до настоящего доктора мне далеко.

Они ехали в приятном молчании, пока не добрались до задних ворот поместья.

– Готова к уроку вождения, Грейс?

Желудок девушки сделал сальто. Свидание, а теперь и урок вождения.

– Я бы с удовольствием, Джек.

– Думаю, по утрам в субботу – лучшее время, хотя я попрошу ее светлость позволения занять и несколько вечеров, после чая, разумеется. Темнеет поздно, а учиться легче при дневном свете.

Грейс снова полюбовалась великолепным домом.

– Джек, ты никогда не думал, что произошла ошибка и никакой войны нет?

Прежде чем ответить, он подвел машину к коровнику.

– Нет, я слишком хорошо знаю, что идет война. Я слушаю радио, читаю газеты, но, кажется, понимаю, о чем ты. Где бои? Где немецкие самолеты, которым поручено превратить Англию в руины? Заметь, ходят слухи, что летом здесь будет жарко. Правда, ввели карточки, но мы едим, как короли, хотя миссис Лав твердит, что все изменится, когда приедут другие. И тогда на стол уже не будут подаваться те великолепные колбаски из шотландского поместья

его светлости. И если война продолжится, практически все продукты будут выдаваться по карточкам.

– Я этого не знала.

Грейс вспомнила, как леди Элис говорила, что, живя в поместье, она научится большему, чем просто зарезать свинью. Грейс искренне надеялась: ее никогда не попросят резать свинью, но, несомненно, училась не только уходу за животными и обработке земли, но и верно судить о людях. Бесценные уроки.

– Улыбнись, Грейс, ты выглядишь грустной. Я с нетерпением жду субботних танцев. Наденешь то хорошенькое платьице?

Она покраснела, и не только потому, что он запомнил платье.

– Да, другого у меня нет.

Несколько секунд они смотрели друг на друга. Наконец Джек открыл дверь.

– Пожалуй, нужно приниматься за мойку бидонов, или Хейзел задаст нам жару, и поверь, он куда более устрашающий, чем леди Элис.

С этими словами он спрыгнул с грузовика.

– Я не умею танцевать, – пробубнила она вслед.

Он услышал об этом, обернулся и рассмеялся.

– Конечно, умеешь. Расслабься, Грейс, танцы – естественный способ выражения для животных.

– Естественный способ выражения для животных. Благодарю, доктор.

По крайней мере этого она не спустит ему.

– Когда моя мать стала здесь служить, требовался полк слуг, чтобы таскать наверх ведра горячей воды для ванн. В те времена люди не принимали ванн каждый день. Горячая вода прямо из крана – это чудесно, правда?

Грейс как раз шла наверх, принять ванну, перед тем как одеваться к танцам. Она вовсе не хотела признаваться миссис Лав, что в доме, где она выросла, не было горячей воды из крана, так что просто кивнула. К ее удивлению, миссис Лав продолжала подниматься по ступенькам.

– Вижу, ты много времени проводишь с молодым Джеком, Грейс. Вряд ли это понравится ее светлости. Девушка должна думать о своем добром имени.

Грейс остановилась посреди лестницы.

– Мое доброе имя. О чем вы?

– Не стоит задирать нос. Я за тебя отвечаю. Пока не придут другие девушки, ты единственная женщина в доме, полном мужчин.

– Вряд ли Гарри и Джека можно считать «домом, полным мужчин». Кроме того, я вижу с ними только за столом.

– Я знаю это, и ты знаешь, но сегодня вечером ты едешь на танцы, а в деревне об этом понятия не имеют, так что будь поосторожней.

Радостное предвкушение приятного вечера померкло. Грейс поспешила к себе.

– Вижу, у тебя его приемник. Славно...

Грейс жаждала ответить, что слушать приемник куда интереснее, чем ее, но сдержалась. Джек отдал ей приемник при всех работниках фермы. Оказалось, что Боб Хейзел взял из пустого коттеджа радиоприемник размером побольше и поставил в спальне мужчин. Джек одолжил свой, маленький, Грейс и ничего такого в этом не видел. Миссис Лав наверняка это знала.

Войдя в комнату, она включила радио. Как чудесно слушать музыку и вечерние новости, хотя в этот вечер она их не послушает – поедет на танцы.

Пока она вынимала платье, передавали запись великого Джо Лосса⁷ и его оркестра. Грейс сняла бант, вынула тщательно сберегаемую пару чулок, не шелковых, конечно, и единственные элегантные туфли. Через несколько недель Грейс, которая старательно копила то, что оставалось от жалования после вычетов за еду, намеревалась купить белые босоножки на лето. Впервые в жизни у нее было немного своих денег, и она могла купить то, что хотела. Пока что одежду можно было приобрести свободно, поскольку все, кроме продуктов, не считалось жизненно важным. Но скоро наверняка введут талоны на одежду. Это только вопрос времени.

Грейс вошла в ванную, думая о том, как чудесно будут выглядеть белые босоножки с зеленым платьем. Может, Джек пригласит ее на прогулку?

Она так и представляла их, идущих рука об руку вдоль одного из многочисленных ручьев поместья. И новые босоножки так ярко выделяются на фоне травы...

«Нет, Грейс, не спеши», – сказала она себе и ступила в чудесную горячую воду.

К ее удивлению и легкому разочарованию, Гарри и Исо тоже решили ехать на танцы. Исо сказал, что ему не терпится провести вечер в обществе знакомых работников, а Гарри заверил, что он не пригласит ее танцевать, но хочет послушать живую музыку.

– Пока я брился, слушал Джо Лосса. Вот было бы здорово, если бы оркестр вроде его собственного играл для нас.

– Сегодня Джо Лосса в деревне точно не будет, Гарри. Придется обойтись старым барабаном, скрипкой и гармоникой, – засмеялся Исо.

Грейс, привыкшая к пластинкам, которые ставили в церковном клубе, посчитала, что трех музыкантов более чем достаточно.

– Иногда в церковном клубе играли местные оркестры, но вряд ли они были так хороши, как этот, – заметила она, когда оказалась на танцах.

В зале было полно народу всех возрастов. Приводили даже маленьких детей. Кто-то предпринял храбрую попытку украсить зал весенними цветами. Оркестр воодушевленно исполнял модные мелодии, и пока остальные искали столик, Джек повел Грейс танцевать.

Она уже не помнила, когда танцевала в последний раз, но, к удивлению и восторгу, обнаружила, что способна легко двигаться в объятиях Джека, который, очевидно, был опытным танцором. Ну конечно, Джек учился в университете. Студенты, возможно, ходили на танцы если не каждую ночь, то уж точно по пятницам и субботам.

⁷ Джошуа «Джо» Лосс (1909–1990) – британский музыкант, композитор и певец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.